

Наркополитика в России:
судьбы репрессированных потребителей наркотиков

Благотворительный Фонд «Колодец»
Международная программа развития снижения вреда

Москва, 2006

Автор и составитель
Любовь Небренчина
Редактор
Р. Лаовай

Воспроизведение, передача, распространение или дублирование любой части содержащихся в публикации материалов допускается при условии их некоммерческого использования в дальнейшем. Ссылка на Благотворительный Фонд «Колодец» обязательна.

Мнение автора и героев книги может не совпадать с мнением БФ «Колодец».

Распространяется бесплатно.

Контактная информация:
Благотворительный Фонд «Колодец»
Адрес: г. Москва, ул. Доватора, д. 13
Эл. почта: info@kolodetz.ru
Веб-сайт: www.kolodetz.ru

Благодарности

Анне Мошковой, Льву Левинсону, Людмиле Альперн, Даше Очерет, Виталию Джуме, Сергею Корню – за поддержку и идеи.

Героям данной книги – за откровенность и доверие.

Сергею Тихонову – за помощь и соавторство.

Содержание

Предисловие.....	4
Статистика - тюремное население России.....	5
Люда Карпова - «Я не знаю, куда я иду, но я знаю откуда».....	7
Наташа Демьянова - «Сестры перед моим освобождением сняли квартиру, чтобы со мной, ВИЧ-инфицированной, не жить».....	19
Влад Осовский - Дом, где живут ожиданием.....	25
Мария Кудряшова - «Галочка» для статистики.....	28
Саша «Азазело» - Тюрьма: откровения из карцера.....	31
Роза Михайловна К. - О сыне и созависимости.....	39
Оксана В. - «Я заразилась ВИЧ в тюрьме: не выдержав ломки, взяла чужой шприц».....	44
Светлана Н. - Строгий режим.....	46
Григорий Тер-Асатуров - ГУЛАГ для больных наркоманией.....	50
Юра Д. - «Когда я вспоминаю эту жизнь, я содрогаюсь».....	56
Екатерина Лавринович - Дело заключенной.....	64
Анастасия Кузина - Тюрьма и доза.....	65
Юрий Канибер - Наркоситуация в учреждениях исполнения уголовных наказаний.....	68
Лев Левинсон - Ничего не изменится, если все не изменить.....	72
Кто за что сидит: портрет осужденного наркопотребителя.....	78
Как мы относимся к заключенным: наркопотребители глазами общества....	79
Приложения.....	81
1. Поддерживающая терапия метадоном в исправительных учреждениях: обзор фактов.....	81
2. Таблица наказаний за незаконный оборот наркотиков в различных странах Евросоюза.....	87

Предисловие

Все описанное на этих страницах является обыденной реальностью нашего времени.

Реальностью, в которой существуют наркотики и наркоманы, наркодилеры и оперативники, передозировки и ломки, проституция, криминальные разборки, смертельные болезни и много того, о чем обычный гражданин узнает лишь из телепередач. Про такую реальность не каждому хочется знать. Наркотики и связанные с ними проблемы давно стали неотъемлемой частью нашей жизни. Сталкиваясь с этой проблемой, мы зачастую стараемся отвести взгляд, уйти в сторону. Эта книга о людях, которые способны, как и любой другой человек, любить и сопереживать, испытывать боль и ненавидеть, радоваться и страдать, созидать и мечтать. Единственное, что отличает их от других – зависимость от наркотиков.

Одним из возможных путей решения проблемы зависимости могла бы стать заместительная терапия. Программы заместительной терапии наркозависимых рекомендованы Всемирной Организацией Здравоохранения, имеют многолетнюю историю применения в разных странах мира с доказанной эффективностью. В нашей стране этот терапевтический ресурс совсем не использовался. В России давать наркозависимым опиаты с целью заместительной терапии запрещено законом. Лечение через детоксикацию (купирование абстиненции) в стационаре является единственной принятой в РФ схемой терапии в случае тяжелой опиатной зависимости, что в реальной жизни не всегда осуществимо. Так что пока наркозависимые поставлены перед отсутствием выбора в плане лечения.

Кроме того, в свете эпидемии ВИЧ в России (большой процент ВИЧ-инфицированных составляют именно наркозависимые) и внедрения антиретровирусной терапии, необходимость заместительной терапии наркозависимых при ВИЧ-инфекции является самой объективной потребностью нашего общества. Антиретровирусная терапия позволяет на многие годы отсрочить переход ВИЧ-инфекции в смертельный СПИД, но требует строгого соблюдения сложной схемы лечения и не терпит перерывов в приеме препаратов. В случае лечения наркопотребителя, целыми днями занятого поиском наркотика и скрывающегося от закона, добиться правильного выполнения всех необходимых врачебных рекомендаций без заместительной терапии представляется крайне сложным, в связи с чем существует потенциальная возможность получить резистентный (устойчивый) к любой терапии вирус. Такой вирус может привести к преждевременной гибели многих ВИЧ-положительных людей, лишая их возможности продолжать лечение. Конечно, эффективное решение такой сложной задачи, как помощь наркозависимым, требует совместных усилий большого количества людей.

Результат напрямую зависит от степени скоординированности действий всех заинтересованных лиц и общества в целом.

Хочется верить, что серьезная работа, проводимая сейчас общественными организациями с целью улучшить взаимопонимание между сообществом наркозависимых и государством, найдет понимание и отклик у представителей официальных структур. Ведь они тоже люди, и у них есть сердце. А значит трудные судьбы других людей, описанные в этой книге, не могут оставить их безразличными.

Сергей Корень, врач психиатр-нарколог

Статистика: тюремное население России

Из ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ:

«... Особо остановлюсь на другой, сложной для нашего общества теме: последствиях алкоголизма и наркомании. В России только от отравления алкоголем и, прежде всего, его суррогатами ежегодно умирает около 40 тысяч человек. В основном это молодые мужчины, кормильцы семей. Однако эту проблему невозможно решить методом запретов...»

В. В. Путин

Численность тюремного населения на 1 января 2005 года:

содержится осужденных:

- в 217 ИК общего режима – 184 011;
- в 227 ИК строгого режима – 283 525;
- в лесных ИК – 39 445;

содержится женщин:

- в 44 ИК – 34 479;
- в СИЗО – 10 343;
- всего – 47 043;

находится детей в 11 домах ребенка – 535;

всего 763 054 человека

Количество ВИЧ-инфицированных, содержащихся в учреждениях УИС – 31 004,

в том числе:

- в СИЗО и тюрьмах – 5 286;
- в ИУ – 25 718

Динамика численности ВИЧ-инфицированных и больных активным туберкулезом в учреждениях УИС (тыс. чел.)

По состоянию на:	Численность больных			
	активным туберкулезом		ВИЧ-инфицированных	
	в ИК и больницах	в СИЗО и тюрьмах	в ИУ	в СИЗО и тюрьмах
1 января 1999 г.	80,5	10,6	808	673
1 января 2000 г.	74,9	12,2	2741	1338
1 января 2001 г.	71,8	12,1	7187	7915
1 января 2002 г.	87,9	11	21633	12081
1 января 2003 г.	73,1	6,3	30097	6249
1 января 2004 г.	67,4	6,3	28964	6253
1 января 2005 г.	45,5	5,4	25718	5286

Всего в России существует 11 исправительных колоний для содержания больных наркоманией, лимит наполнения – 11 549 человек. Незаполненность по лимиту связана с тем, что осужденные, больные наркоманией, направлялись и направляются в ИК общего и строгого режима, не предусмотренные для содержания наркозависимых.

За преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в ИК содержалось в 01.01.2003 году 69 874 человека – 9,7%, на момент 01.01.2004 года 65 550 человек – 9,6 %. За год количество осужденных по ст. 228, 229 УК РФ снизилось на 1%.

Данных на 2005 год обнаружить не удалось.

В течение 2003 год в ИУ умерло 3 670 человек (в 2002 году – 4 098), в основном смерть констатируется от туберкулеза, сердечной недостаточности, отека легких.

Люда Карпова

«Я не знаю, куда я иду, но я знаю откуда»

До ареста

Мы жили на последнем этаже девятиэтажного дома. На первом этаже располагался универсам, народу толклось под балконом множество. Как раз мой балкон выходил в сторону магазина.

Помню, в тот период родители меня выгоняли из квартиры. Не хотели, чтобы я притон устраивала. Планировали забрать к себе, пока не вылечусь от наркотиков, а квартиру пока закрыть. Ну а если не соглашусь ехать с ними, то буду жить на улице. Короче, мне надо было вернуться к родителям вечером – это будет означать, что я приняла их правила и планы по выздоровлению. Первый раз я обратилась к наркологам анонимно. Через два месяца мне стали присылать повестки из диспансера, чтобы пришла сдать анализы. На учет поставили без моего согласия...

Но родители считали, что наркомания излечима, а неизлечимость заключается только в отсутствии моего желания. Будто я желаю так жить: в постоянном голоде, безденежье, пинаемая ментами, проводя месяцы и годы в тюрьме, вся исколотая и на кумарах¹...

И еще они были уверены, что тюрьма и годы, проведенные в неволе без наркотиков, могут вычеркнуть из моего сознания наркотическое прошлое и испелить психологическую зависимость от кайфа.

В этот день ни крошки во рту не было, денег тоже. Депрессия просто сводила с ума. Кумарило меня так сильно, что периодически сознание отключалось, каждую клеточку тела выворачивало и скручивало в жгут. Мозг работал только на то, где взять денег и раскумариться², снять ломку. Парень мой лежал на диване, не мог встать. Я вышла на балкон и стала смотреть вниз. Люди снуют из магазина в магазин: тратят деньги, а у нас – полная безнадега. Выброситься с балкона, что ли? Жить не хотелось совсем, не было смысла. И тогда, стоя на этом балконе, свесив голову и завистливо глядя на денежных прохожих, я решила, что к родителям не поеду. И лечиться от наркотиков в психушке я тоже не буду – беспонтовая трата времени, денег и нервов. И жизнь моя только в том, чтобы торчать на наркотиках, пока не сдохну от передоза, иначе от них не избавиться.

На тот момент я не была «прожженной наркоманкой», мой стаж исчислялся сроком в год. И тогда я не представляла, что самые страшные заморочки будут впереди. В тот же день к нам зашли приятели, угостили «черняшкой»³. Вечером мой парень поехал к своим родителям, я поехала к своим. Мы честно попросили у них деньги на наркотики: чтобы купить сразу много, сварить

1 Кумар – ломка, синдром отмены

2 Раскумариться – употребить наркотики

3 Черняшка – кустарно изготовленный наркотик опийной группы

раствор и снижать дозировку, вводя в вену чуть-чуть.

А уже после можно лечь в больницу и почистить кровь «гемодезом». Но этим планам не суждено было сбыться. Естественно, разговор про снижение дозы был отмазкой для родителей, чтоб денег дали и не выгоняли из квартиры. Все деньги тогда мы проколи, а останавливали нас только аресты.

Арест

Они подошли со спины, и я сразу почувствовала: менты, хотя их «имидж» указывал на бандитский стиль жизни. На руках – подделка под дорогие часы из желтого металла, у всех барсетки, дубленки и тупые лица. Спросили, имела ли я честь быть арестованной «петрами»⁴? Сунули корочки так, что не прочтешь ни строчки, и обули руки в наручники. У машины я поняла, кто меня сдал: рядом под конвоем стоял подельник. Его запихнули в багажник. Меня в салон, ухватив пятерней за шею и пригнув мою голову к груди, чтобы не смотрела на дорогу. Стало страшно и безысходно. Все время, пока были в пути, мне хотелось посмотреть в окошко, «растворить» чувство неизвестности. Но потная пятерня стискивала пальцы на моей шее.

По прибытию нас встретил дядя размером со шкаф, обмотавшийся кобурой, в обтягивающих джинсах и такой же футболке. «Вот твой папа, он работает в гестапо», – пошутил кто-то из оперативников, показывая на дядьку. Стало понятно, что мной будет заниматься этот «папа». Ужас накатывал по нарастающей...

Опера, которые нас принимали⁵, не давали за нашу жизнь ломаного гроша. Били на выживание, вдалбливая в железный, прикрученный к полу стул, выбивая все уголовки, повисшие⁶ на их отделе. Я могла стать контейнером с героином в желудке, только что прибывшим из Бангладеш, или маньячкой, вырезавшей весь детский сад... Один из моих мучителей сказал, что убийство священника Александра Меня взяли на себя несколько тысяч задержанных.

Больше всего их выводило из себя то, что я наркоманка. Об этом они поняли не с моих слов, а по следам уколов на руках, когда раздели меня догола для шмона⁷. Прощупывали все швы, потом залезли во влагалище. В комнате собралось несколько человек оперативников, одни мужики, шмонали тоже они. Били больно, как правило, ножкой от стола. Душили моим же ремнем, приговаривая, что если не выживу, скинут в Москва-реку, и сами же будут искать...

Предлагали сдать барыгу⁸. Моего подельника изнасиловали. Просто так, уже после того, как он сознался в чем мог.

Нас, тех, кого прокурор «подписал» на арест, увозили ночью. По крайней 4 Петры – так себя называют оперативники из МУРа. Знаменитое учреждение на Петровке, 38.

5 Принять – задержать, арестовать

6 Висяки – нераскрытые уголовные дела; некоторые оперативники заставляют задержанных или арестованных брать вину на себя

7 Шмон – обыск или личный досмотр

8 Барыга – наркоторговец

мере, меня, направлявшуюся в женский СИЗО. Передвигаться было больно: рана на голове, кровотечение из влагалища, большие синие пятна на теле, отбитые почки, вспухшая печенка...

Тюрьма

Тюрьма начинается с насилия. С захлопнувшейся двери за спиной. В тюрьме со свежевыкрашенными стенами унижали и морально насильовали по четко отлаженным схемам, иногда прикармливали картошкой. Неизменно поили чаем с бромом – заглушая эмоциональные всплески.

Московская женская тюрьма не похожа на другие тюрьмы. Стены выкрашены не жуткой темно-зеленой краской, а сияют стальным цветом, гладкие, совсем не покрыты рытвинами и буграми.

Двери пугают множеством стеклянных «глазков». Через каждые 5—6 метров — видеокамера и захлопывающаяся решетка. Сама камера состоит из трех комнат, этакие апартаменты: спальня, кухня, санузел. Персонал женский, исключение – «веселые ребята» для устрашения, они же присутствуют при «шмонах», а зачастую и сами не прочь пошарить в женском скарбе. Почти всегда «веселых ребят» сопровождает собака с неопределенным настроением: то рвется с поводка, то безразлично, высунув язык, смотрит на суету.

В камере «старшая» — тетка в наколках — велела выбрать «шконку»⁹. Тогда еще не было перенаселения, это потом спали на кухне под столами и в проходах между нарами.

«Ломка на сухую», или наркоманы в тюрьме

Лечить от наркомании нас не собирались – это стало ясно при приеме в изолятор. Мы ломались «насухую» – без медикаментов. Некоторым девчонкам родные приносили витамины и анальгин, но это не спасало. Отпаивались чифирем¹⁰. Но в тюрьме переломаться легче, мозг забит выживанием, прокручиванием дальнейшей судьбы, уголовным делом, поэтому физические страдания уходят на второй план. Но, когда привыкаешь к тюрьме, начинает проскакивать желание уколоться. Помимо наркотика сильна зависимость от самого укола – игломания, и от движения, которое наводишь в поисках героина, от варки – процесса изготовления. И так хотелось достать ложку, высыпать в нее горку героина, вскипятить на зажигалке, вытянуть в шприц через ваточку или кусочек сигаретного фильтра и поставить в вену. Я четко знала, что тюрьма меня не вылечит от наркотиков. И когда отсажу свой срок, первым делом я наведу движение, а потом достану ложку, высыплю в нее горку героина и...

Был такой случай: девчонке, Наташе, врачи принесли несколько пачек «Пенталгина», которые были вложены по ее просьбе родителями в передачу.

⁹ Шконка – двухъярусная кровать; в старых провинциальных тюрьмах встречаются трехъярусные кровати их железа и бетона.

¹⁰ Чифирь – очень крепкий чай

Кто-то сказал, что от него прет¹¹, если его пустить по вене. Одна девушка пронесла обрезанный инсулиновый шприц в заднем проходе. Они разболтали таблетки «Пенталгина» в кипяченой воде и поставились¹² вчетвером. Уже на зоне я узнала, что одна из этой компании была ВИЧ+, заразились все трое. Откуда узнала? Одна из них приехала на ту же зону, куда увезли меня.

Два месяца Наташа пробыла в здоровом отряде (на тот момент ВИЧ+ была одна в колонии, Динара, и содержали ее сначала в ШИЗО, потом изолировали в санчасть), но через два месяца ее анализы подтвердились. Так Наташка получила диагноз и была переведена в санчасть.

Тюремный быт

Тюрьма была практически без «дорог», любовных интрижек через камеры и прочих атрибутов, когда мужчины и женщины сидят вместе. Мы возили кучу «маляв»¹³ в своих внутренностях, чтоб наверняка пройти «шмон». Потом в автозаке¹⁴ доставали их и передавали мужикам из Матросской тишины и Бутырки. Так осуществлялась переписка. Шмон перед дорогой на суд или следственный эксперимент – это ужасно. Тебя пропускают через гинекологическое кресло, лезут немойтой после другого «пациента» перчаткой во внутренности и шарят в надежде поймать маляву про уголовное дело. Если запалят – карцер обеспечен.

Я часто перечитываю свой «Голый дневник», строчки, написанные после первого шока:

«... Я зашла в туннель. Мне было холодно и страшно. Страшно за будущее и настоящее, страшно даже за миску с супом — я боялась, что он остынет. Беззубые люди крыли матом и отбирали у меня мои мысли и леденцы. Кровати там были по очереди, и почти никогда не было мыла и воздуха...»

В камере я не задерживалась. Одной из профилактических мер у оперов был «перекид»¹⁵. Только обживешься — собирай манатки и в другую камеру, чтоб не расслабляться. В течение года я побывала в одиннадцати камерах. Три раза сажали в карцер, один раз сразу после суда. Тогда мне разрешили иметь при себе карандаш и бумагу, чтобы я могла писать кассационную жалобу. И каждый раз я объявляла голодовку и писала заявление начальнице тюрьмы. На личном приеме она всегда говорила: «Милую вас».

Помню свои первые отрицания всего со мной происходящего. Это потом, через полгода я начну понимать тюремные истины: не верь, не бойся, не про-

11 Прет – оказывает наркотическое воздействие

12 Поставиться – сделать инъекцию

13 Малява – записка, свернутая в трубочку и запаянная в целлофан для удобства передачи

14 Автозак – машина для перевозки заключенных или подследственных

15 Перекид – перевод из одной камеры в другую

си. А пока я боялась, слепо верила и иногда просила. Я боялась всего: нескончаемого срока, который светил. Прихода следователя, которого хотелось обмануть. Наглости камерных баб, с которыми все-таки держала стойку и один раз дралась. Боялась старости, которая придет вместе с окончанием срока. Боялась потерять семью. Верила всему, даже липовым гаданиям на крапленых, нарисованных картах. Верила снам и приметам. Верила своим жалобам в суды и на суды. И верила себе, что выдержу. Просила совета и сигарет в долг. Просила помиловать. Через полгода поняла, что страшнее тюрьмы только другая тюрьма, например, инвалидное кресло. От моих страхов ничего не изменится, только сама себя загоню в угол. Просить, а потом отдавать – бессмысленно, только подчеркиваешь свою несостоятельность. Верить только себе, но не на сто процентов.

Вопросы без ответа

Многое было непонятно. За что посадили в этот ад человека, который употреблял наркотики и не мог от них отвыкнуть? Непонятно: если человека лишают свободы на несколько лет, то почему его параллельно лишают туалетной бумаги, мыла, воздуха, витаминов, воды – всего того, чем по бедности, экономности или из-за воровства персонала государство не может обеспечить СИЗО и лагеря? Кто поможет человеку вернуться на свободу, которую он потерял, когда стал зависим от наркотиков? За что у нас отнимали подорванное еще на воле здоровье? Увеличение щитовидки было повальным. Заболевания женских органов из-за долгого простаивания на морозе на перекличках, из-за малой подвижности и бетонных лавок и шконок; из-за сырости стен – туберкулез, опасный для ВИЧ+. Дальше для этих людей – активировка¹⁶, чтобы не было на учреждении трупa. После активировки почти всегда скорая смерть...

Оперативные сводки

Частенько нас вызывали опера и заставляли писать явки с повинной, сдавать героиновые точки. Я попала как раз в такое время, когда борьба с наркотиками была в самом разгаре – начало 1997 года. В камерах можно было встретить перевозчиков, сбытчиков героина и ханки¹⁷. Позднее героин вытеснил опийный мак с рынка. Сроки давали немеренные, несправедливые и неоправданные. Все понимали, что таблица наркотических веществ, которой пользовались при вынесении приговора, – это бред.

Например:

За 0,002 г героина – 6 лет лишения свободы в ИК строгого режима

0,04г героина – 12 лет лишения свободы с ИК строгого режима

0,001г героина – 10 лет лишения свободы в ИК строгого режима

¹⁶ Активировка – освобождение заключенного по состоянию здоровья

¹⁷ Ханка – сырье для изготовления наркотика опийной группы

15г опия-сырца – 15 лет лишения свободы в ИК строго режима
0,0005г героина – 11 лет лишения свободы в ИК строго режима
0,3г героина – 8 лет лишения свободы в ИК строго режима
0,87г и 0,91г опия-сырца – 7 лет 6 мес. лишения свободы
в ИК строго режима
0,172г героина – 10 лет лишения свободы в ИК строго режима
0,055г героина – 9 лет лишения свободы в ИК строго режима
0,203г героина – 13 лет лишения свободы в ИК строго режима
0,94г героина – 11 лет лишения свободы в ИК строго режима

За ватки, через которые выбирают из ложки приготовленный раствор, в которых обнаружилось **0,0002 грамма героина – 7 лет** лишения свободы в ИК строго режима.

Все изъятые вещества, за которые получали сроки, считались с примесью (сахар, мел и др.).

Потребителям давали сроки по настроению и в зависимости от наркобизнеса в городе.

Судьи, имея на руках безумную таблицу ПАВ, уголовно-процессуальный и уголовный кодексы, симпатию/антипатию к подсудимой, плохое/отличное настроение, *присуждали от нижнего до высшего пределов.*

Средний предел зависел от некоторых факторов, таких, как совесть и профессионализм судьи или прокурора, иногда наличие судимости определяло высший предел...

От этих факторов и настроений все мы тряслись в «столыпинских» вагонах, в жару и в холод, ходили в туалет в пластиковые бутылки или полиэтиленовые мешки, спали по очереди...

Женский лагерь строго режима за сотые доли грамма

В лагере тех, кому присудили принудительное лечение от наркомании (ст. 97 УК РФ), ставили на профучет, т.е. ты все время под колпаком у дежурных. Спишь на самом освещаемом и видном месте. Чаше дергают опера для проверки. Когда приходит посылки или передачи, все тщательно обыскивают, кромсают вдоль и поперек тонкими ломтями, у вещей прощупывают швы.

Это в мужской лагерь наркотики запросто перекидывают через забор, проносят надзиратели за мзду, завозят родственники и друзья; в женской колонии наркотики – нонсенс. И все-таки они там изредка появляются. Гашиш или героин. В оперчасти узнают об этом редко или в последнюю очередь.

Лечить наркозависимых, как прописано в законе, никто не собирается. Прием в нашей медчасти вел бывший то ли психиатр, то ли терапевт. Обязательны приходы на прием, где ведутся разговоры о зависимости, а если не выдерживали нервы, он прописывал «Корвалол» или валерьянку. И советовал писать родным, чтобы слали витаминки.

На беспонтовые приемы ходили все, от этого зависело, как скоро тебе снимут эту статью (принудительное лечение), и ты сможешь подать документы на условно-досрочное освобождение. Без снятия этой статьи ни о какой свободе речи не могло быть.

Кормили иногда вкусно, иногда невкусно, но всегда несытно.

Дважды в день построение на проверку, не сбежал ли кто.

И работа, работа, работа. По желанию – школа и училище.

Спальное помещение смахивало на конюшню, где умещались на долгие годы много человек, каждый со своими заскоками и тараканами в голове.

Уединение – это роскошь, осуществимая только на толчке, хотя и там очередь...

По совместительству туалет – место для курения и чифиропития в холодное время года.

«Баня» – это шесть кранов для тазов и пять душевых кранов, выпускающих воду тонкой струйкой. Помывка происходит второпях, банный день – раз в неделю на каждый отряд. Переводя на цифры: 70–100 человек на 5–10 казенных тазов и 3 часа на мытье один раз в неделю. А еще баня – это цементные лавки, пар от кипятка в большой комнате с грязными, склизкими стенами, толкущиеся некрасивые голые тела, чаще изуродованные татуировками, шрамами и временем, и кусок хозяйственного мыла на месяц. Тупым ножиком режешь его на две части: одна часть на стирку, другая – для волос и тела. Если повезет, привезут в ларек шампунь или хорошее, приятно пахнущее мыло, сможешь отовариться, делая выбор не в пользу повидла или печенья. Некоторые меняли хлеб на мыло, покупали за дежурство вне очереди. Хотя купля-продажа строго запрещена.

Для многих больных наркоманией эти «прелести» длились долгие годы.

Деграция личности

Тюрьма или лагерь морально калечат людей.

Детскость, появлявшаяся у многих зечек – не игра в инфантильность. Это способ защитить себя, не получить отказ, вымолить необходимое. Способ прилипший, ставший второй кожей, которой физически чувствуешь время «включать сюсюканье».

Фотографироваться любили все. Скидывая обязательные косынки с головы на плечи, меняли позы перед объективом, кто моложе – бежали в отряд нарисовать губы. А самые шустрые, зная заранее о приезде посетителей, с утра в локалке¹⁸ ожидали уже «при параде»: спортивные трико, сверху обязательная юбка – но нарядная, с люрековой ниткой или с цветами, и босоножки на каблучке. Довершал образ вечерний макияж. Я тоже любила фотографироваться, и чтоб непременно выслали фото. На свободе поняла, откуда эта любовь.

Практически все женщины любого возраста, попадая в застенки, на подсознательном уровне перестают чувствовать свою женственность. Может быть, 18 Локалка – отгороженный забором участок

отсекают ее неосознанно, как отсекают прошлое, анестезируя настоящее и будущее. Надевая на себя личину подследственного, затем осужденного существа. Женщина в женщине умирает, приобретает разнообразные определения своей сущности: вичевка-спидовка¹⁹, чахоточная, воровка, убийца, наркоманка, бомжиха и т.п. Поэтому желание оправдано: увидеть себя со стороны, глазами другого человека, тем паче вольного, хоть и на фото. Увидеть в себе женщину, не потерявшую человеческий облик, женственность, прикрытую серыми нелепыми одеждами. Получше выглядеть хотелось многим. Некоторые опускались вконец. Загубленные души, с тусклыми лицами, в немислимом тряпье, жадно сосущие самокрутку. Одна серенькая мечта: покурить сигаретку с фильтром да на запарку чая раздобыть...

Планы на будущее

Отчего у меня наступил перелом, я не знаю. Может быть потому, что наступил предел моего внутреннего срока, который я отмеряла, чтобы до конца не свихнуться?

Я собрала все свои письма, которые хранила долгих три года, по датам складывая потрепанные конверты в красивую коробку из-под конфет. Вынесла на улицу коллекцию кактусов – в закрытом пространстве они для меня были как дети. Я прижимала к груди конверты, прощаясь с отрезком времени, исписанным на листах. Потом чиркнула спичкой и подожгла свое прошлое.

Никогда я не стану прежней. Накопленная опытами и пропитанная тюремным бытом жизнь будет преследовать меня до конца моего срока, присужденного не богом, а людьми, взявшими на себя смелость судить меня за болезнь. Хотя, наше общество на девяносто процентов состоит из зависимых людей: кто от водки, кто от пива, кто от сигарет. Такие же наркотики, по сути, только «наркотики в законе».

А если бы судили за стопку водки – давали по низшему пределу, а за бутылку водки – по высшему, за особо крупный размер?

Я теряю годы, оставляя после себя песок, на котором ничего не взойдет. Огонь торопливо слизывал мои материальные ценности.

В лагере заставляли работать швей и хозяйственной службой. Вот тогда, нахлебавшись интриг, измучившись режимом и непомерным трудом, я поняла: колоться больше не буду. Не хочу ни чувствовать этот кайф, ни париться из-за него за решеткой.

Я хотела жить, как все. Выйти замуж, родить ребенка, устроиться на работу. Ни героина, ни кокаина, ни друзей, которые торчат на чем угодно, – ничего из прошлого...

Срок мой в 9 лет 6 месяцев сократился по помиловке. Через три с половиной года я выходила из внешней тюрьмы под взгляды, расстреливающие меня в спину, и наивно полагала, что внутренняя тюрьма – наркотическая зависимость – сон, приснившийся давно...

¹⁹ Вичевка, спидовка – женщина, зараженная ВИЧ

Свобода по плану

Родные приняли меня в семью, я вернулась домой. Долго живя у знакомых, а потом в зоне, я отвыкла от дома до такой степени, что мне было неловко достать из холодильника еду, чувствовала – не мной куплено. Родители потащили по магазинам покупать одежду, косметику, парфюм. Как-то быстро нашелся жених.

Попробовав найти работу и ничего не получив от поисков, я уехала в другой город. К наркотикам не прикасалась даже мыслями. Мне предложили хорошую работу в Москве.

В столице я прожила месяц, работая, в относительно покое, пока не познакомилась с молодым человеком. С ним в мой дом пришли мысли о героине. Задним числом я понимаю, что не только появление жениха сыграло роль.

Одиночество, равнодушие и чувство ненужности, неустроенности...

Теперь-то я знаю, мне нужно было реабилитироваться после «зарешеченного» времени, а помочь в этом мне никто не мог.

И опять, веря в свои силы, в то, что я сильнее героина и зависимости, я заторчала²⁰. Сначала раз в неделю, по воскресеньям. Потом два раза, все выходные убивала на замут²¹ и торч. Я доколотась до того, что чуть не умерла от перитонита. Забросив свое здоровье, я поздно поняла, что беременна. Случился выкидыш, так как в больницу на обследование меня не брали – дотянули до последнего. Я потеряла работу.

Пришлось уезжать домой. Меня сразу же отвезли в больницу и, узнав, что я – наркоманка, наркоз не сделали. Употреблять я не прекратила, из-за болей только увеличила дозу. Хотя, помоги мне сразу в больнице, может и перекумарилась²² бы. К тому моменту я «вешалась» от своей жизни. Дешевизна наркотика в провинции только усугубила мое положение. Родители пытались помочь. Увозили меня в психиатрические лечебницы, т.к. наркодиспансера, куда можно лечь на лечение, нет. Всех потребителей кладут в «психушку». Пробовала лечиться в амбулаторном режиме и стационарном, но все было бесполезно. На второй-третий день я срывалась и ехала к барыге. Лечение не помогало, и все – врачи, пациенты и родители – это понимали. Родители сдавали туда детей с малой толикой надежды и, отчасти, чтоб отдохнуть от самого ребенка, его мутки²³ и воровства, страха за его жизнь.

Много раз мне хотелось передознуться. Но, когда пришлось самой откачивать от передозировки нескольких человек, пристегивая их язык булавкой к щеке, чтобы передознувшийся им не подавился, я выбросила эту мысль из головы. У меня тоже были непреднамеренные передозировки, повезло – откачивали, вызывали «скорую помощь». Правда, после второго вызова на мой адрес врачи приехали с отрядом ОМОНа, который переворошил у меня всю

20 Заторчать – начать употреблять наркотики

21 Замут – добывание наркотика

22 Перекумариться – пережить синдром отмены, избавиться от физической зависимости

23 Мутки – добывание наркотика

квартиру. После того случая они приезжали через день, проверять, нет ли у меня притона и наркотиков...

В это время я жила с вором-карманником. Денег было много. Через некоторое время его посадили на 4 месяца, и меня поддерживали его друзья. На долгий срок их не могло хватить. Кто станет несколько раз в день делить свою дозу с девушкой друга, тем более в те дни, когда удача прошла стороной? Пришлось самой думать о своем «пропитании».

На работу меня не брали. Если и брали, то ненадолго. Где-то я сама не выдерживала без дозы, работая на ломке, и уходила раньше времени, за что мне показывали на дверь. Иногда через день-два догадывались о моих пристрастиях и просили покинуть рабочее место. В результате я опустила руки.

Жить было негде, с наступлением вечера приходит паника: куда пойти переночевать? В подъезде страшно и стыдно. Домой не пускают. К знакомым, таким же наркоманам, нельзя без дозы. На дозу денег нет, тело ломает. Полежать бы на мягком диване, в теплой квартире... Желудок сворачивается в трубочку: во рту ни крошки. И даже нет пяти рублей на автобус, доехать до дома и попросить у матери покушать, чтоб в узкую дверную щель пару пирогов просунула, пока отчим не видит.

Родные мне люди, как я ни пыталась им объяснить, не понимали, что в одиночку мне не справиться, считали меня слабовольной, но никак не больной.

Пробовали лечить, потому что все родители прибегали к наркологам с надеждой...

Я просила помощи у родных, но срывалась, выдержав пару-тройку дней. После этого они стали меня считать обманщицей и говорить, что я сама не хочу справиться со своей бедой, наконец, выгоняли из дома в пустую неизвестность... На холод, на скамейки, в подъезд, в тюрьму или притон. Иногда предлагая денег на «золотой укол»²⁴.

Я не виню их, понимаю – они устали. Устали бояться за меня. Носить передачи в тюрьму, устали недосчитываться в доме ценных вещей, устали от воровства и людского позора. Но мы их дети. Больные, одинокие дети, которые не способны сами побороть зависимость и выйти из ада.

Появились подруги, бравшие на реализацию ханку и героин маленькими партиями для продажи. С продаж они имели процент в виде того же героина или ханки. Я примкнула к ним, не видя для себя выхода. С ментами, чтобы нам позволяли торговать, расплачивались цыгане, дававшие товар на реализацию.

Позже, когда я не смогла расплатиться с цыганами – проколола весь товар – я стала воровать сама. Иногда брала у родителей, распродала свои вещи, так и дошла до воровства.

Менты меня задерживали много раз. Насиловали, били, пытали током, но уголовных дел не заводили.

Родители не хотели меня знать, со временем стало наплевать на них, но сначала я очень переживала их отношение ко мне. Позже я просто брала у

²⁴ Золотой укол – большая доза наркотика, от которой получают смертельную передозировку

них деньги, и все отношения на этом заканчивались.

Парень, которого я дождалась из тюрьмы, карманник, как-то обмолвился, что у него ВИЧ. Мы расстались.

О его смерти я узнала случайно. Умер он примерно через полтора-два месяца. У него начался сепсис²⁵. Сначала он не придавал этому значения. У него были проблемы с венами, часто он попадал мимо и загонял миллиграммы раствора под кожу, отчего возникали фурункулы, гнойнички. Дошло до того, что он выл от боли. В один из таких дней он «достал» родных. Отчим не выдержал этого скулежа и выгнал его на площадку. Парень попросил вызвать «Скорую помощь».

Отчим долго не реагировал, потом все-таки вызвал. Врачи приехали минут через пятнадцать, брезгливо посмотрели и уехали, оставив его в подъезде с вердиктом «нам труп в машине не нужен, а до больницы он не доедет». Отчим тоже не пустил в квартиру. Умер он через час-два...

А могли спасти. Или дать умереть по-человечески, в своей кровати.

Побег

Я понимала, что в этом городе, где проститутки продают себя по стоимости дозы, где в цыганском поселке в каждом втором доме наркотики продают на выбор:

Ханка – 50 рублей доза, можно сделать на двоих

Чек – доза героина – от 150 до 200 рублей, тоже на двоих

Грамм героина – 500 рублей, количество человек на грамм зависит от дозы.

В городе, где 60–70 % людей в возрасте от 13 до 50 лет употребляют наркотики, мне не выбраться из этого, не завязать. Спрятаться в этом небольшом городке было негде. Я взяла у родителей денег, купила плацкартный билет на верхнюю полку, села на поезд, имея в кармане 40 рублей на белье, и уехала в Москву. Пачка сигарет, бутылка газировки, да пара булочек в сумке, один свитер и одни трусы – все мои пожитки. Почти весь путь я не слезала с верхнего яруса, только покурить и в туалет. Ломало меня страшно. Ни одной таблетки. Газировка кончилась на полпути.

Проводницы ночью угощали чаем. Днем, стараясь не выгибаться от боли, я лежала лицом к стене. Мне хотелось доехать. И очень хотелось жить.

Жизнь № 3

На первых порах меня согласилась принять у себя подруга. Ломки продолжались и тогда, когда я доехала до нее и обосновалась. Подруга смогла, переплатив, в какой-то аптеке добыть из-под прилавка «Трамал» – анальгетик на основе опиатов. Им я спасалась. Хотя, один раз чуть не передознулась таблет-

25 Сепсис – тяжелое инфекционное заболевание, развивающееся вследствие заражения крови. Спасти человека можно, прочистив ему кровь и прокапав капельницу дорогих антибиотиков, но больницы не всегда принимают запущенных пациентов, тем более наркоманов, хотя спасти могут

ками. Потом перешла на алкоголь. На ночь пила много водки и без памяти падала на кровать. Через месяц-полтора я оклемалась. Вернулась на прежнюю работу. Я стала жить с парнем, далеким от наркотиков. В моменты уныния я всегда вспоминала о том, что бывало и хуже...

Я стала сильнее.

Когда-то мне казалось, что тюрьма, отторжение родных, выгнавших меня, наркоманку, из дома, пытки ментов – все, что я вытерпела – это самое страшное, что может со мной случиться. Но мои испытания не кончались. Я сдала анализы на ВИЧ.

Сидя на дерматиновой кушетке, я грызла заусенцы и хотела жить.

Через некоторое время мне объявили положительный анализ, не посоветовав, как с этим быть. Я умерла...

Умерла от ВИЧ, продолжая ходить на работу, на свидания, просто жить...

Моя четвертая жизнь

Я попала в больницу примерно через полгода, не сказав врачам о своем статусе. В СПИД-центр меня не поставили на учет, потому что не было московской прописки, лишь предложили стать подопытным кроликом – испытывать на мне новые вакцины от СПИДа. Но и это повисло в воздухе, так как у меня на руках не было последнего ВИЧ-анализа. В больнице меня стали готовить к операции по удалению аппендикса. Естественно, брали все анализы. Аппендикс не подтвердился, это было женское заболевание. Но анализы! Мои анализы были отрицательными. Я побежала в институт Склифосовского, пересдала кровь, результат отрицательный!

И опять в моей жизни ничего не изменилось. Я не чувствую себя «не-вицевой». Я просто не делю людей на тех, у кого есть диагноз и на тех, у кого его нет. Я живу вместе со всеми, помню, что отчасти эпидемия развивается от отторжения, от дискриминации людей, из-за разделения на потребителей наркотиков и потребителей булочек. И втайне я завидую тем людям, которые несмотря ни на что рожают детей.

Я не знаю, куда я иду, но я знаю откуда.

Наташа Демьянова
«Сестры перед моим освобождением сняли квартиру, чтобы со мной, ВИЧ-инфицированной, не жить»

Наташа Демьянова, женская колония строгого режима, пос. Шахово, Орловская область.

ВИЧ-положительная, 28 лет.

Срок 7 лет 6 мес., отсидела 7 лет.

– Наташа, расскажи, когда и почему ты стала употреблять наркотики?

– Мне друзья рассказали о наркотиках много хорошего, и поэтому захотелось попробовать. Описали, какое состояние от них бывает. Я попробовала, меня друг угостил. Мне понравилось. Три месяца он ко мне приезжал и каждый день угощал. И только через три месяца меня начало кумарить. Но тогда я подумала, что это грипп. Когда он не приехал ко мне, а позвонил, я ему сказала, что заболела. Он спросил, что со мной. Я объяснила, сказала что грипп. Тогда он позвал меня к нему, чтоб приехала. И уже потом сказал, что это не грипп, а кумар. И раскумарил меня. В общей сложности я была на системе 3 года. Родители меня клали раз пять лечиться в разные места. Так я на учет в наркологичку попала, сама не хотела вставать на учет. Лечение не помогало. Бросила только в тюрьме. Вышла и на следующий день заторчала – сразу на систему подседа, без остановки. Потом на зоне переламявалась. На свободе я всегда предохранялась: чистые шприцы и все такое.

– Сколько раз ты привлекалась к уголовной ответственности и за что?

– У меня четыре судимости. Первая судимость у меня была в 15 лет за соучастие в убийстве. Я год просидела в тюрьме. В тюрьме страшно не было, по дому я тоже не тосковала, я знала, что меня домой отпустят, я же не убивала, а помогла другу спрятать тело. Не донесла на него властям. Расплакалась в тюрьме один раз, это за все время, в Новый год. Смотрю телевизор, а там показывают праздник. Все так красиво...

Потом за кражу судили. Под амнистию попала. А в 1997 году, мне 20 лет было, я тогда уже на опиумной системе была, иногда анашу курила, мне позвонила подруга, умоляла меня принести ей героин, ее ломало сильно. Я ей говорю, что у меня героина нет, но есть анаша, могу дать. Она попросила, чтобы я сама к ней пришла и принесла хотя бы анаши. У меня коробок травы был. Я его взяла и пошла ее выручать. Только в двери зашла, мне сразу наручники надели. Короче, арестовали. Прокурор из-за этого коробка анаши не подписал санкцию на арест, отпустил под подписку. Но я на следствие не пошла, т.к. кололась героином. Когда на системе сидишь, не до этого. Из-за неявики меня арестовали. Я не пряталась, наряд приехал ко мне домой, меня забрали в СИЗО, шестой изолятор. Мне дали за это 5 лет лишения свободы, с отсрочкой на 2 года.

Через 4 месяца я попала в переделку. Моя подруга торговала героином, я как-то дала ей денег, 50 долларов на полграмма, а она меня кинула, не принесла. Через пару часов мы с друзьями пришли к ней домой. Ее дома не было, отец пьяный спал, но дверь открыл и впустил нас. Мы подождали ее, а потом забрали телевизор из ее комнаты за то, что она у меня деньги увела, и ушли. На нас заяву написали. По сути, это было самоуправство, но судья впял разбой.

Нас посадили, и мне дали 7 с половиной лет строгого режима. И еще ст. 97 УК дали, это принудительное лечение от наркомании.

– Тебя в колонии вылечили от наркомании? Чем лечили?

– Нет, не вылечили. Если человек хочет, он себя сам вылечит. А заставить хотеть невозможно. Лечили меня витаминами, какие были в санчасти. Вообще-то там лекарств и даже витаминов почти не было. Нас просили, чтоб из дома нам слали родственники или привозили в передачах. Бывший начальник медчасти, он сейчас нарколог, вызывал к себе в кабинет и читал лекции о вреде наркотиков. От этих лекций ни горячо, ни холодно. К нему надо было ходить в обязательном порядке. Если не пойдешь, то статью не снимут. Статью не снимут, дольше мучить на профучете будут, ни на УДО²⁶, ни по помилованию не уйдешь раньше срока. А наш нарколог фантазер был, любил экспериментировать. Изобрел мазь для сведения наколок-татуировок. Ей мажешь, и наколка вместе с кожей слезает, иногда рисунок или буквы остаются, а кожа слезит. Собрали как-то группу из наркоманов, и проводили эксперимент – лечение гипнозом. Надели наушники, включили музыку, и врач говорил текст. Считал, что это поможет избавиться от зависимости. Может, и помогло бы, но эксперимент скоро свернулся из-за малого посещения. По желанию давали «Аминазин». Позже гуманитарка чаще поступать стала, и нам выдавали по таблетке «Фенозепам» – это транквилизатор, им якобы можно вылечить наркоманию.

– Как случилось, что у тебя обнаружили ВИЧ?

– Я с подружками не хотела расставаться, т.к. всех осудили, и мы ждали этапа. Нас должны были развести по разным колониям, вот тогда мы и решили замостыриться²⁷ на гепатит, чтобы объявили в камере карантин, а нас троих тем временем увезли бы на больничку в Матросскую тишину и тем самым мы отсрочили бы расставание дней на сорок.

В камеру завели новенькую, которая сказала нам, что она болеет гепатитом, и мы решили вколоть себе раствор с ее кровью. Но никто из нас не мог тогда знать, что вместо гепатита мы вводим себе в вену вирус иммунодефицита. Шприц был у кого-то в камере, уже не помню. Мы развели в воде кодеиносодержащие таблетки, взяли у нее из вены крови и добавили в раствор.

²⁶ УДО – условно-досрочное освобождение

²⁷ Замостыриться – по собственному желанию инфекцию занести в организм, чтобы лечь в больницу или отсрочить этапирование – перевод в другое учреждение

А потом втроем вкололи себе. Оля не кололась – она и так с гепатитом была. Потом уже мы узнали, что ей был известен свой ВИЧ-диагноз, но почему-то она нас не предупредила об этом, и даже сама предложила ввести свою кровь, когда мы решали, как откосить от «раскида» в разные колонии. Позже стало известно, что ее перевели в камеру для ВИЧ. Но об этом узнали остальные две девчонки, я так и не узнала тогда, т.к. меня в тот день вызвали на этап. А девчонки стали жить в страхе: есть у них ВИЧ или нет.

Выявили у меня ВИЧ через месяц после того, как я приехала в колонию. Я была шокирована. Все это время я спокойно жила, привыкала к зоне. Анализы у меня взяли при поступлении в зону, как и у всех. Я в тот день плохо себя чувствовала, у меня был понос уже две недели. А в тот день я дошла до точки кипения, пришла в санчасть, но мне не дали таблеток, сказали, это от воды, к климату адаптируешься. Посоветовали пить рисовый отвар, не поинтересовавшись, есть ли у меня рис! Я же не могла пойти в магазин и купить его. Или сходить и купить в аптеке таблетки. Я пришла из санчасти и уснула. Дальше меня разбудила медсестра и позвала в санчасть, а моей подруге потихоньку сказала, чтобы та собрала мои вещи и отнесла в санчасть, вслед за нами. Я тогда только со свидания вышла, так она мне больше половины вещей не донесла. Скрысятничала²⁸.

Мы пришли к начальнику медсанчасти, и он мне сказал о том, что я ВИЧ-инфицированная. Прочел лекцию по поводу того, что такое ВИЧ, как с ним жить, о соблюдении мер предосторожности, объяснил, как передается. Но больше он меня успокаивал. Я обалдела. Думала, что скоро умру. Это был 1999 год, мы мало тогда о нем знали. Но больше за родителей волновалась, думала, что у матери инфаркт будет. У меня еще раз взяли анализы, ВИЧ подтвердился, тогда я позвонила сестре и сказала о диагнозе. С мамой на эту тему мы не разговаривали ни разу. Только перед освобождением, на свидании, она мне рассказала, что сестры боятся жить со мной из-за ВИЧ и скрывают перед своими женихами мое существование. Одной 22 года, а другой 32.

– Каких возрастов у вас в отряде были женщины?

– Основной возраст – от 20 до 30 лет. 5 человек – 40 лет. Две женщины – около 50 лет. И одна – под 60 лет. Одна 50-летняя женщина – потребительница наркотиков. Остальные нет. Несколько девчонок, около 5%, к наркотикам отношения не имеют, т.е. получили диагноз через половую связь. Двое в больнице заразились.

– Многие ВИЧ-положительные женщины, с которыми ты сидела, дожили до освобождения?

– В колонии Таня П., 40 лет, умерла от инсульта. После освобождения Таня Т., 42 года, саркома Капоши, туберкулез, освободилась по УДО; Лена Ж., 28 лет, ушла по активровке; Наташа Прозорова, 24 года, умерла от передозировки, освободилась по концу срока; Инна З., 22 года, сердечная недостаточность 28 Скрысятничать – украсть «у своих». Крыса – вор, воровка

– реформа от 6 мая – по УДО; Марина Д., 45 лет, реформа, УДО.

Это те, про которых я знаю. Многие «потерялись» после освобождения, не поддерживали с зоной связь. Мало кого активируют по состоянию здоровья, хотя активировать должны многих, даже на первый взгляд. Туберкулез – частая инфекция. Больны им около 8 %, находятся или с нами, в одном отряде, или их отсылают на больничку, в СИЗО. У меня брали анализ на иммунный статус за 6 лет два раза и один раз при поступлении, когда у меня выявили ВИЧ; на вирусную нагрузку – ни разу, на туберкулез – каждые 6 месяцев.

У нас анализы берут очень редко. Начальник медчасти говорит, что у СПИД-центра г. Орла нет возможности брать анализы у такого количества людей. Анализ сдают по очереди несколько человек, кровь увозят в лабораторию, в Орел. Средств нет, анализы дорогие. И выявить стадию ВИЧ невозможно из-за этого. Освобождается человек, а у него уже СПИД. Пока соберет документы: страховку, паспорт, полис, пропишется в квартиру (кто выписан), встанет на учет – время упущено. И человек умер, так и не сдав кровь и не получив терапию.

Много человек умирают. Очень много.

– Как вы жили в колонии?

– Когда у меня выявили ВИЧ, нас было двое на всю колонию. Нас содержали в медчасти, на окна повесили сетку-рабицу. К нашим окнам не подпускали здоровых людей, опера гоняли, не давали с ними общаться. Когда нас стало больше, нам выделили помещение в бараке, где находится карантин, ШИЗО и СУС²⁹. На прогулку нас выводили на 2 часа в бетонированном двореке: пол – бетон, стены – бетон, небо в клетку, хотя нам нужен был воздух, чтобы не заболеть туберкулезом. Там мы прожили месяцев восемь. Потом перестали помещаться, в зону прибывали постоянно новые девчонки с диагнозом.

– Как и где вы работали?

– На швейку нас не выводили, т.к. боялись, что мы будем пересекаться со здоровыми людьми, заразим их. Нам в камеру приносили кордовые нитки, и мы плели сетки, в них картошку хранят и овощи.

Норма была 5 сеток в день – выполнить ее было практически нереально, надо руку набить, приобрести сноровку. А с нас стали сразу норму требовать. За невыполнение потом стали наказывать: рапорт писали в личное дело. Это все отражалось при УДО, при написании характеристики для помилования. Некоторых злостных нарушителей, не выполняющих норму, могли посадить в ШИЗО, что не имели право делать. Меня сажали в ШИЗО, но не за норму выработки, а за неподчинение администрации – с собрания ушла, дали 10 суток. Условия содержания в штрафном изоляторе были таковы: матрас не давали вообще, даже на ночь. На день шконку пристегивали к стене, чтоб нельзя было ни лечь, ни присесть на нее. Весь день сидели на крохотной узень-29 ШИЗО – штрафной изолятор. СУС – барак строгих условий содержания – тюрьма в тюрьме

кой лавочке. Был декабрь месяц, на нее нельзя было даже присесть, не то что прилечь, т.к. она была деревянная, но по краям обита железным листом. Было очень холодно. При себе из одежды разрешалось: трусы, х/б носки, х/б футболка, платье с длинным рукавом холщевое, тапочки. Ни колгот, ни кофт. И можно маленькое полотенце, по размеру такое, чтобы нельзя было им укрыться. Кормили на завтрак, обед и ужин одинаково: тонкий кусок хлеба, кружка кипятка и щепотка соли. Ни каши, ни супа не было. На нарах я не спала, было очень холодно. Я ложилась на пол, под батарею, и так коротала ночь. Один раз засекли, что я так сплю, и за то, что я отказалась лечь на ледяные нары, меня вывели и втроем избили дубинками. Били по попе, по ногам и плечам. По почкам и печени не били. В то время еще авария была, и у нас отопление отключали на двое суток. Думала, отморожу конечности и женские органы. Отсидела все 10 суток. Такой кошмар не забудешь. И только на одну ночь, при аварии, нач. дежурной смены Нина Анатольевна Колосова под свою ответственность, понимая, как мы замерзаем, проявила человечность и выдала нам телогрейки до утра. Чтoб никто не узнал из начальства, а то ей влетело бы от хозяина. За это ее могли снять с должности.

– Как вы жили, когда поступило много ВИЧ+ в колонию?

– Многие из зечек, в основном «старые», отсидевшие не по первой ходке, с нами не общались, боялись: «Не ходите в один с нами туалет, не умывайтесь из наших умывальников, не ходите в нашу столовую»... Другие, более информированные, нормально относились, тайком, правда, побаивались. Долгое время жили все в одном отряде. Баню отдельную построили, плиточные стены, душ хороший, поддоны, красиво стало. Раньше в общей бане мылись, а там стены склизкие, шесть душевых кранов, вода еле-еле течет, лавки бетонные...

Работать стали на швейке, не по желанию, а в обязательном порядке. Норму определили такую же, как у здоровых. Если берешь больничный или уходишь, как положено, через 7 часов, по справке о ВИЧ, не остаешься на переработки – гнали срочный заказ, без выходных, по 12 часов, то бригадир пересаживает на другую операцию, а это опять освоение, невозможность дать норму, за это может быть выговор или ШИЗО.

Я себе делала «мастырки», чтоб от работы освободили, потому что невозможно трудно было работать, с бригадиром конфликты постоянно. У меня травма шейных позвонков была, левая кисть ничего не чувствует. Я ее специально обжигала кипятком раз 5 (все равно боль не ощущаю), чтоб из-за ожога не работать. А когда у нас шприцы в отряде появились, мы разбавляли водой сгущенное молоко, и этот раствор гнали по вене. Поднималась высокая температура, давали больничный лист на 3-5 дней. Или этот же раствор кололи под кожу, появлялись гнойники, фурункулы, и освобождение от работы давали надолго, с этим можно было месяц-полтора не работать. Кормили неплохо: немного мяса, сливочного масла, молоко, творог, вареные яйца.

– Наркотики в колонии употребляли?

– Наркотики в зоне не ходили, некому привозить, а воровской грев на женскую зону не приходит. А если и привозили кому, то очень осторожно, об этом мало кто знал. Одной из нашего отряда привез муж на свиданку героин, прямо в комнате свидания ее засекали, увидели, что вмазанная³⁰. Осужденная девка, работающая полемойкой при комнате свидания, увидела, что та с узким зрачком сидит, и настучала операм. Те тоже по ее виду это поняли. Свиданку прервали, мужа домой отправили, а ее повезли в Кромы (областной городок в Орловской области), в какую-то лабораторию, кровь сдавать. Анализ подтвердился, и ее поставили на профучет как склонную к употреблению наркотических средств в местах лишения свободы. Профучет – это усиленный надзор и дополнительная воспитательная работа. Ей долго свидания не давали с мужем и с сыном, потом она, побегав по кабинетам, добилась, чтоб пропускали. Псылки и передачи ее поставили на спецмон: кромсали все, фантики разворачивали. Кому-то анашу привозили. Но героин не так часто. Вместо наркотиков у нас в зоне таблетки «гуляли»: «Карбамазепин», «Фенобарбитал», кодеиновые. Их выдавали в санчасти эпилептикам, а мы у них покупали за сигареты и сладкое. Сигареты котируются только с фильтром. «Приму» в зоне ни один алкаш не курит. Отоварки в зоне сейчас хорошие: кофе, конфеты....

А раньше вместо сигарет – табак, чай – одна солома, за счастье считалась банка сгущенки, килька в томате, мыло хозяйственное: и стирать, и мыться им. И все это по лимиту, в ограниченном количестве, так мало, что хватало на 5–6 дней.

– Что самое страшное на зоне?

– Подлость. Предательство.

– Что самое дорогое?

– Вера в кого-нибудь из тех, кто рядом. Фотографии и подарки, как память.

– Самое радостное событие?

– Когда мне сняли полгода со срока по наркотической реформе за тот корбок анаши. У меня же условный срок был, и когда этот срок давали, то условное наказание учли, приплюсовав 6 месяцев. И вот их сняли.

– Как ты освободилась?

– Отсидев 7 лет, я ушла по концу срока, просидела до звонка. В колонию за мной приехал отец и забрал. Родители встретили хорошо, а сестры побоялись со мной жить вместе. Старшую я до сих пор не видела. Правда, они мне подарки купили на освобождение, оставили дома.

Мне выделили комнату и посуду с рисунками, чтоб не перепутать. У меня на 30 Вмазаный – в состоянии наркотического опьянения

тарелках и кружке обезьянки нарисованы, вилки и ложки мои в тарелочках хранятся. В ванной мочалка, мыло, зубная щетка у меня свои, отдельно лежат. Но их я сама не стала хранить вместе. Мыло мама мне сама дала, я даже не поняла, зачем его-то отдельно? Но я взяла, и восприняла это как само собой разумеющееся, без оскорблений. Я не обижаюсь ни на кого, я просто знаю, что они многого не понимают, а объяснять им не хочу. Если им так спокойней, пусть так и будет.

– Как ты сейчас живешь? Есть проблемы?

– Сделала паспорт. Родители кормят и одевают, но на карманные расходы денег не дают.

У меня есть молодой человек, он недавно развелся с женой и уволился с работы. Ушел в запой. Потом наркотики стал употреблять. Пока не работает. Мы ночуем иногда у него, он с родителями живет. Только одно плохо: стали вместе употреблять. Но я не доведу до такого, чтоб на систему подсесть. Контролирую себя, мне так кажется.

– Как ты считаешь, тюрьма помогает вылечиться от наркотической зависимости?

– Нет. Нет. Нужно желание, если сам не хочет бросить, ничего не поможет. Это бред – сажать человека за хранение и употребление.

– Какие планы на жизнь?

– Сначала работа, а потом все остальное. Видно будет, какие будут перспективы.

Влад Осовский
Дом, где живут ожиданием

«Руки за спину. Лицом к стене», – громыхая связкой ключей, раздраженно приказал мне сержант с деревенской рожей. Наконец, найдя нужный ключ, он открыл массивную дверь и впихнул меня внутрь. ИВС – изолятор временного содержания, одна из переходных стадий, ведущих в конечную точку – зону. В маленькой камере, освещаемой 24 часа в сутки тусклой лампочкой, я был не один. Поджав ноги, на скрипучих деревянных нарах сидел персонаж, напоминающий дятла. Я обессилено рухнул на свободную шконку с нарисованными клетками для игры в кости. Первый вопрос заключенного заключенному всегда одинаков: «За что сидишь? Какая статья?»

Дятел не был оригинален, правда, по моему состоянию догадался сам. «Статья 228? Какая часть?»

«Первая», – еле выдавливаю из себя ответ, и надолго замолкаю. Тело вопило от боли, ноги сводило судорогой. В последние пару месяцев я разогнал дозу до грамма в день и теперь в полной мере испытываю на себе «прелести» абстиненции. Мусора добавили мне по пути сюда профилактических пи***лей, и я чувствовал себя куском мяса, пропущенным через мясорубку. А тут еще этот дятел со своими вопросами...

Тем временем он вовсю разглагольствовал: «Тебя через три дня отпустят. Вот увидишь. Зуб даю (передние у него уже отсутствовали). «Кресты»³¹ забиты такими, как ты. Им просто сажать некуда».

Он действовал мне на нервы, но я ничего не мог сделать в том состоянии, в котором находился в данный момент. Просто молча страдал, лежа на жестких нарах и разглядывая надписи на стенах, оставленные моими предшественниками. Он, как и множество других двадцатилетних в Питере, тоже был наркоманом, а поймали его на краже магнитолы из чьей-то машины, приписав еще и сопротивление при задержании. Его увезли на следующее утро. На какое-то время я остался один.

Мне думалось: «Странная штука эта прописка, многие рвут задницы, чтобы получить ее в столице, а стоит отъехать на шестьсот километров, как этот штамп в паспорте становится причиной того, что я до суда теперь буду париться в «Крестах», потому что меня не могут отпустить до суда под подписку о невыезде».

Я вспоминал, как глупо влетел с этим «чеком»³², который хотел оставить на утро дня, который по всем прогнозам обещал быть концом света. Для меня он стал концом вольной жизни на три долгих месяца, которые мне пришлось провести в переполненной камере «Крестов» – втором этапе перед отправкой куда-нибудь в Ленинградскую область, или куда там они отправляют. На третий день пришла моя очередь прокатиться в автозаке вместе с парой татуированных мужиков, не обращавших на меня абсолютно никакого внимания – они все поняли с первого взгляда, и я не представлял для них никакого интереса. Зато живейший интерес ко мне проявился, когда я с матрасом и постельным бельем вошел в воняющую нестиранными носками и дешевыми сигаретами камеру. Я чувствовал, как за мной наблюдает множество пар глаз.

Я стал оглядываться в поисках свободных мест и вдруг заметил своего знакомого, который, подвинув соседа, освободил место для меня. «Н**уя себе! Ты-то как здесь оказался?», – казалось, он по-настоящему рад нашей встрече. Ранее, когда мы оба лежали в одной больнице, он знал меня как корреспондента модного молодежного журнала, и был очень удивлен, увидев меня в таком месте. Наверное, он думал, что журналистам все сходит с рук.

«Спать будем по очереди», – сказал он, и стал рассказывать, как он влетел за вымогательство. Вымогательство являлось основным его доходом. Выбивание из коммерсантов чужих долгов приносило ему достаточно денег, чтобы

31 Кресты – следственный изолятор в Петербурге

32 Чек – доза героина

чуть ли не каждый месяц менять машины. Блатных в нашей камере не было, и всем заправляли «маргарины» – быки, у которых здесь были деньги и сотовый телефон, по которому они делали дела ежедневно. Мне очень повезло, что я оказался в одной камере с Вадиком. «Маргарины» его не трогали. Однажды он через них даже замутил «чек» героина, цена которого в тюрьме в два с половиной раза дороже, и поделил его со мной, видя, как я мучаюсь.

Пронесят героин сами мусора, которым за это платят. Вообще, если у тебя есть деньги, то ты спокойно можешь жить в отдельной камере с телевизором и магнитофоном. Через контролеров в тюрьму можно пронести почти все. Контролерам платят мало и поэтому они практически все куплены. Идет он с утра на смену, а его уже ждут «братки» или родственники заключенных. Обычно передают деньги, наркотики...

Впрочем, я увлекся. Моя реальность была намного прозаичнее: в камере, рассчитанной на восемь человек, сидело двадцать рыл. И надежды на передачу у меня не было, поэтому я просто тупо отсиживал свой срок, глядя на то, как гоняют «чертей». Кажется, что даже у самого ленивого всегда есть запас сил, чтобы отвесить «черту» пинка или затрещину. В эту категорию попадают те, у кого х***ая статья, например, за изнасилование или растление малолетних, «стукачи» или «крысы» – ворующие у своих. Наркоманов в тюрьме тоже не очень любят, хотя в последнее время за это сидит чуть ли не каждый третий. «Опущенные» бедняги даже посрать как следует не могут. Стоит кому-нибудь из них сесть на «парашу», как тут же кто-нибудь начинает орать что-нибудь вроде: «Ты че, сука, тут развонялся, ох**л что ли? И так дышать нечем». «Черти» были чем-то вроде развлечения для одуревших от жары и вони заключенных. Иногда какого-нибудь «черта» доводили до того, что он начинали отчаянно ломиться в двери камеры, всего лишь для того, чтобы услышать стандартный ответ «цирика»³³: «Я здесь не для того, чтобы охранять твою жопу, козел». Иногда меня вызывали к следователю, чтобы подписать какую-нибудь бумагу или что-нибудь уточнить. Это тоже относилось к развлечениям. Прогулки по мрачным коридорам тюрьмы, нормальная сигарета в кабинете у следака...

На вопрос, когда же собственно будет суд, я всегда получал стандартный ответ – «не знаю». Некоторые заключенные сидят по два-три года в тюрьме, чтобы потом их выпустили из зала суда, как отсидевших свой срок. Со временем привыкаешь ко всему, появляется апатия и сны с эротическим налетом. День, когда меня повезли на суд, был самым лучшим днем после моей демобилизации из рядов Советской Армии. Дверь в камеру открылась в одно прекрасное ноябрьское утро, незадолго до дня моего рождения, и я услышал долгожданное: «...с вещами на выход!» К тому моменту я чувствовал себя излечившимся от героиновой зависимости, осталась только обычная тяжелая депрессия.

Меня снова засунули в «стакан» автозака – где я, одетый по-летнему, в мятой одежде, промерз до костей, и привезли в здание суда, откуда я был отпущен на все четыре стороны с легким приговором – год условно.

Слава Богу, что меня ждала Ольга, которая привезла мне кое-какую одежду. Получив также шнурки от ботинок «Marten's» и ремень от спадающих штанов (за время отсидки я потерял килограммов семь), я почувствовал, что слезы катятся у меня по щекам. Я снова стоял на Невском проспекте и слышал свой голос, убеждающий девушку в том, что «никогда больше». Подходя к метро «Канал Грибоедова», я увидел стоящих как обычно дилеров, которых я знал по именам. Увидев, вернее, почувствовав, что сейчас произойдет, моя девушка сильно сжала мою ладонь и потянула меня к входу в метро. Я остановился. «Оля, мне нужно сто рублей. Последний раз». Она расплакалась, и полезла в сумочку, ругая меня последними словами. Протянув мне деньги, она, резко развернувшись, ушла. Я чувствовал себя ужасно. За 5 минут я приготовил раствор, убеждая себя в том, что это все, что завтра начну новую жизнь, что Ольга больше не будет плакать, но одновременно я слышал гнусное похахатывание твари, что жила в моей голове, и теперь снова распускала щупальца...

Мария Кудряшова «Галочка» для статистики

Маша родилась 9 марта 1974 года во Владимирской области, поселке Головино, где расположено знаменитое исправительно-трудовое учреждение для «мамочек»³⁴. После своего заточения малышка вернулась на вторую родину, в Санкт-Петербург, и стала петербургской гражданкой.

Машина семья состояла из мамы – медсестры, работающей в городской больнице, и отца – профессионального картежника, периодически расслабляющегося с помощью морфина и других опиоидных препаратов. Препараты доставала Антонина, мать девочки. Доставала тайком, из больничного сейфа, куда имела доступ, будучи медсестрой. После нескольких лет зависимой любви – мать зависела от любви к мужу и от страха разоблачения; отец зависел от пагубного влечения к наркотикам и азартным играм, – оба получили сроки наказания по одной статье, но разным частям. Матери дали 5 лет общего режима, отцу 7 лет. Маша, находясь в материнской утробе, и получила свой срок – несколько месяцев.

Через некоторое время Антонина передала дочь родителям. Сама же, отсидев 3 года, ушла по амнистии «для мамочек». После освобождения Антонина без проблем устроилась медсестрой в больницу при кораблестроительном предприятии. С первым мужем развелась, не дождавшись его из зоны. Маша 34 Мамочки – заключенные беременные женщины, или женщины, родившие в заключении и имеющие при себе малолетних детей

отца видела всего один раз, ей было лет 5–6, он зашел в гости к матери, поговорил с ней на кухне, но с Машей так и не поиграл. Уже когда за ним захлопнулась дверь, мать сказала ей, что это был ее отец.

Маша окончила 9 классов, поступила в училище на вязальщицу. Недоучилась, перевелась на монтажницу радиоаппаратов и приборов. Выучилась на продавца.

Еще в девичестве, в 13 лет, у Маши произошел сексуальный опыт с девочкой, занимавшейся с ней в одной хоккейной команде (Маша занималась хоккеем на траве около 8 лет). Опыт этот произошел не случайно: после изнасилования и избиения молодым человеком Маша поменяла свое отношение к мужскому полу.

Со временем вокруг Маши образовался круг подобных девушек. Первый опыт потребления ханки произошел в 16 лет.

«Предложила попробовать своей подруге я сама. До этого слышала, что именно употребляют и как это делается. Это было модно и круто – колоть или нюхать наркотики. Мы сами нашли барыгу, узнали, как приготовить раствор, сами себя укололи. Система появилась позднее, в 20 лет. А до 17 лет мы баловались изредка, часто не употребляли», – говорит Маша.

В 17 лет наступил новый виток в ее судьбе. Маша влюбилась в солдата, служившего в Петербурге, и уехала с ним по окончании его службы в Челябинск. Прожив два года в гражданском браке, научившись управляться с хозяйством (огород, скотина) и насобирав тумачков от «мужа», Мария сбежала домой.

«Первый раз я села в тюрьму в 22 года за кражу продуктов. Я их меняла на наркотики. Отсидела 2 месяца в СИЗО, и меня отпустили с условным сроком.

За это время начала «сидеть» на черняшке моя подружка Оля. Я вышла из тюрьмы, и мы с ней опять стали встречаться, теперь уже вместе торчат на наркотиках. С 13 лет Оля зарабатывала деньги телом, на панели. Тратила заработанное на шоколадки, платья, губную помаду. Оля в 13 лет выглядела лет на 16–17. Ездил к тетке в Москву, а тетка ее сама зарабатывала себе на жизнь на панели. К ней приходили клиенты на дом, она их обслуживала и брала деньги. Ольге она тоже нашла первых клиентов. С тех пор у Ольги понеслось. Часто ездила на заработки в Москву. А с 17 лет, как на систему подседа, деньги от проституции пошли на наркотики и спиртное. Я ей запрещала этим заниматься, ругались с ней, но бесполезно. Так мы и жили: она проституцией, я воровством или грабежами».

«Второй раз меня посадили в 24 года за разбой. Мы напали на семью, нужны были деньги на наркотики. Было это дуростью, конечно. Жалею об этом сильно. «Уехала» я на 7 лет и 3 месяца строгого режима. Нас было четверо: мой брат, подруга и друг. Ну и я.

В тюрьме было тяжело, но не страшно. За срок переживала, еще не знала, сколько дадут. Ноги покрылись абсцессами, на воле еще нагноения были. Вен у меня нет, иногда под кожу задувала, ранки загнивали. В СИЗО – сырой каме-

ре – абсцессы усилились, остались шрамы на ногах, теперь на всю жизнь.

Период ломки проходил терпимо. Никаких лекарств не давали, без таблеток и медпомощи ломалась. Перед арестом я с Ольгой жила, она еще больше колоться стала, когда меня посадили. В тюрьме у меня анализы взяли, тогда никто из нас о ВИЧ не задумывался, с этим я только на зоне столкнулась. Анализы были хорошие, только гепатит. Неделю в собачнике, 8-метровая клетушка, нас 30 человек было. Кто на нарах, остальные на полу. Промурыжили нас под следствием 9 месяцев, брат в розыске был. Осудили без него, его через год поймали.

У подельницы, моей подруги, дед живет в Австрии. Он на суд приехал, взятку судье дал, и Люде перебили статью с разбоя на грабеж, и срок дали 3 года. За меня и друга-подельника некому было хлопотать: мне дали 7,3 года, ему 7 лет. Хотя делали мы то же, что и она. Но деньги – большое дело, еще больше заплатили бы, и она вообще могла в свидетельницу превратиться. А брату, когда поймали, 8 лет дали.

На зоне было неплохо. Наркотики там не употребляла, хода не было на зоне. Одна из моих подруг употребляла два раза: один раз ее подруга привозила на свидание, второй – когда ее в отпуск пустили. Был случай, когда одна девчонка попросила мужа привезти ей гашиш. А он профан в этих делах, плохо спрятал. У него при обыске нашли и посадили на полгода. А я только водку употребляла несколько раз. Мне со швейной фабрики вольные работницы приносили, за одежду. Кому в передачи присылали одежду хорошую, новую, я меняла на сигареты и чай, а потом вольным бригадирам за водку отдавала. Всем хорошо одеться хочется, тем более тем, кто из поселка в областной город как за границу едет.

Через 5 лет и 6 мес. меня по УДО освободили. Я не сразу прошла комиссию, долго мурыжили и зарезали: сначала из-за того, что срок большой оставался, а потом какие-то нарушения придумали. Я на суд жалобу написала, ее рассмотрели, и меня отпустили.

Я не думала, что буду колоться. Хотела разочек побаловаться, вот и побаловалась. До сих пор балуюсь, только теперь по-серьезному. Укололась на второй день, как вышла, это в тот же день, как приехала домой. Людка, подруга, вышла с зоны раньше меня по сроку и стала жить с моей Олей. Они скололись, вконец опустились. Оля не прекращала, пока мы сидели. Я приехала, к ним зашла. Они купили героин, и мы вмазались, угостили меня. И даже тогда я не думала, что подсяду на иглу. Долгое время удерживалась. Иногда приезжала в Питер, позволяла себе расслабиться. Понимала, что если останусь в Питере жить – сколюсь обязательно. Тем более никого у меня там нет. Друзья колются, я с ними не хотела общаться, родители пьют. На работу не устроиться, т.к. знакомых нет, чтоб помогли».

Я приняла Машу у себя, помогла ей устроиться на работу, но иногда она ездила в Питер, и только через некоторое время я узнала, что там она срывалась и кололась. Собственно, для этого и ездила.

В Москве она познакомилась с нашим соседом, влюбилась, стали вместе жить. Когда что-то у них не ладилось, она неизменно «убегала», ездила в Петербург, и после его долгих уговоров возвращалась через неделю-две, все это время кололась героином. Сложно было понять, почему она срывается, ведь все есть: семья, работа, любовь, деньги сама зарабатывает... Чего не хватает? Она не могла ответить на этот вопрос. Думала, обманет зависимость. Не смогла.

После крупной ссоры со своим парнем она уехала и словно в воду канула. Оказывается, связалась с прежними «друзьями», начала подворовывать и колоться. Говорит, что кололась из-за тоски и одиночества в Питере. Мать с сестрой пьют, работы нет, что оставалось делать?

Вскоре подруга Люда попросила Машу купить приятелю четверть грамма героина, за это он отблагодарит Машу 300 рублями. Она согласилась. Купила, отдала ему, он дал ей деньги – 300 рублей, и тут Машу задержали. Завели уголовное дело, но не против той торговки, у которой Маша покупала, а на Машу: будто она продала эту четверть ему за те 300 рублей, которые он дал в качестве благодарности: деньги оказались мечеными. Завели дело по сбыту, 228 ст. УК РФ.

Настоящий наркодилер операм был не нужен – он им платит дань. А статистику пополнять надо. Был назначен суд, на который Маша не пошла. Причиной тому была ее беременность. Маша боялась рожать ребенка на зоне. Она была бы счастлива, если бы смогла бросить употребление наркотиков. Говорит, что для этого ей необходима заместительная терапия или детокс, иначе бросить сложно, практически невозможно. Но одно запрещено законодательством, на другое нет средств.

После рождения ребенка Машу арестовали. Она провела в СИЗО две недели. Судья попалась человечная. Присудила 4 года с отсрочкой приговора по достижении ребенку 14 лет. Они вместе. Мать и сын. Надолго ли? Маша все так же употребляет наркотики.

Саша «Азазело» Тюрьма: откровения из карцера

Металлический лязг больно ударил по ушам, но для меня это было самой сладкой музыкой. В лицо ударила прохлада зимнего утра, которая после 2,5 месяцев карцера показалась неземной свежестью. Кружилась голова, то ли от воздуха свободы, то ли от количества гормонов, выплеснувшихся в кровь и заставивших ее вскипеть. В последний раз, оглянувшись, я столкнулся взглядом с Васей Павловским – опером блатных отрядов, который со своей хитрой улыбочкой удивленно воскликнул: «С карцера и на свободу! Нормально тебе!»

Вася – сука еще та, за два дня до свободы пришел к нам в карцер и отшмонал телефон с зарядкой, я ему и сказал: «Вася, не твоими молитвами на свободу иду», – обернулся, захватил под мышку пакет с картинками и, не оглядываясь, пошел.

Два с половиной года прошло с тех пор, как я пересекал эти ворота в другом направлении, но между ними огромная пропасть. Выходил совсем другой человек, за это время пройдено и пережито столько, сколько не каждому дано за всю жизнь пережить. Предательства, размен из-за наркотиков, борьба за власть, ментовский прессинг, доносы, дипломатия, отстаивание своих интересов и еще куча всего. Всего того, что дало мне такую закалку, какую я вряд ли получил бы где-нибудь еще, того, что дало мне понять, чего я стою в этой жизни, понять мой предел прочности, понять, что сломать меня очень и очень трудно.

И хотя мне всего 24 года, но ощущаю я себя на 35. Исчез юношеский максимализм, появилась какая-никакая жизненная мудрость, осознание человеческих отношений. Я знал, что с моим характером я не буду, как 95% зеков, спокойно мотать срок, лежа бревном на шконке. Трудно пройти все и не прогнать. Хотя ушлость, приобретенная в зоне, останется навсегда: когда просчитываешь все отношения на десять ходов вперед, прежде чем что-то сделать, продумываешь от и до, ведь то, чем я занимался на зоне, очень серьезно, и в перспективе могло привести к пожизненному сроку (преступное сообщество и наркотрафик в места заключения). Это откровение не будет пособием «Как организовать ОПГ» или «Как функционирует трафик в зону», технические вопросы я буду опускать, так как система работает, и сейчас есть люди, которые могут пострадать от этого. Но а в остальном все написанное ниже является эпизодом из моей жизни. Я не собираюсь давать себе оценку, хорошо или плохо я поступал, возможно, позже я смогу оценить все, но то, что опыт получен громадный, а он, как известно, лишним не бывает, в этом я не сомневаюсь.

Начну немножечко с конца, с карцера, так как этап пребывания в нем – это отдельный эпизод, не связанный с деятельностью в зоне.

Карцер

Карцер, он же кича, он же ШИЗО, он же изолятор, – место, где я провел 2,5 месяца своей жизни. И то мне повезло, что срок закончился, так как на момент «закрытия» мне уже было выписано 240 суток карцера, а с моим характером я знал, что буду крутиться на д./п.³⁵

8 месяцев кичи – испытание не из легких, хотя получить их не трудно, с тем торчем, который мы вели в зоне. За один отказ от наркотеста выписывают 45 суток, у меня три отказа за год было. А выбора нет, сдашь анализ, покажет, что кровь твоя зашкаливает по содержанию в ней амфетаминов, ТГК и героина, и получишь от 3 месяцев до года добавки к сроку. Это если первый раз, 35 Д/п – дополнительный паек, в данном контексте – увеличение срока

ну а дальше – больше. Да и, естественно, я лучше в изоляторе сорокапятку³⁶ отбомблю, чем срок свой растягивать буду.

Да и вообще я удивляюсь, как я не раскрутился, у всех моих семейников (люди, с кем я жил вместе и был в тесных дружеских отношениях) по зоне уже несколько раскруток, а мне везло. Хотя ситуации были экстремальные: идешь в столовую, с собой 10 грамм гашиша, подача на изолятор, которую надо было передать через кухню, а в столовой «маски-шоу» (тюремный спецназ), и понимаешь – кранты, а выкинуть жалко. Но, если поймают, то мало того что срок, – дубинами забьют до инвалидности. Или ловят и ведут на вахту, а в носке 15 грамм белого, тоже экстрим еще тот. Но об этом еще впереди.

Так что, узнав, что меня закрывают в изолятор, я уже знал, что буду там до воли сидеть, и в зону меня уже не выпустят. В карцере уже сидел 10 дней мой близкий друг Ежик, и я знал, что пойду к нему в камеру. Я к моменту закрытия уже 3 месяца плотно сидел на героине, и перспектива отламываться в условиях карцера меня вообще не приводила в радость, а доза в условиях неограниченного количества тяжелых веществ была нормальная, мне надо было раз в 3–4 часа колоться. Так что на душе был камень.

Меня и закрыли потому, что я уже настолько забил на всех, настолько нагло торчал, на проверках зависал, идя со столовой, тошнил на виду у вахты и камер. Конечно, отрядник и менты в основном знали, что наша семья – одна из центральных в зоне в плане наркотрафика. Но не пойман – не вор. И, в конце концов, настолько всех достал наш торч и торч половины зоны, что менты решили закрыть нас всех, перерубить источник на корню.

Сначала закрыли Ежа, потом меня, и через неделю всей нашей команде выписали год БУРа и закрыли в камеру. Зона взвыла, появились проблемы с наркотиками, а людей-то уже ломает. Переходить с налаженной системы на перекиды³⁷ через забор требует времени, да и перекид – это, по сути, лотерея. Долетит – не долетит. И представьте себе, мутится весь день этот перекид, и вот кайф взят, машина едет в зону. Все ждут, а ждать кайф – это ЖДАТЬ КАЙФ, тем более на зоне, где второй попытки уже не будет. И вот все в предвкушении замерли, а батарейка с героином так славненько планирует на запретную полосу, и ее подбирают менты. КРАХ, КАТАСТРОФА. Настроиться, весь день мутить, ждать и так обломаться. Поэтому мы изначально отказались от кидняков.

Карцер – маленькая каморка на двух человек, настолько маленькая, что когда опускают нары, то места почти совсем не остается, раковина и лунка. Все. В семь утра матрасы сдал, нары пристегнул, в десять получил, нары отстегнул. Чай, курево под запретом, книги под запретом, нельзя ничего вообще.

Вот в такую обстановку я попал, там мне предстояло ломаться, а с собой только 36 Сорокопятка – 45 суток ареста в ШИЗО

37 Перекид, кидняк – с воли через забор перекидывают свертки: наркотики, сигареты, чай, продукты. Это делается при договоренности между вольными людьми и теми, кому предназначается перекинутая посылка. Договариваются и с надзирателями на вышке, чтобы те не стреляли, если передача упадет на запретную полосу, куда заходить строго запрещается

ко таблетка снотворного и напоследок меня хорошо вмазали. Когда меня отводили в карцер, то на вахте была именно та смена, с которой у меня было противостояние, все менты ненавидели меня и весь год охотились за мной.

С собой мне не дали взять ничего, даже полотенца. И вот передо мной 9-й блок. Все, дверь за мной закрылась.

Небольшое отступление по поводу 9-го блока. Это закрытый блок, двухэтажное здание в форме буквы «О», где окна выходят во внутренний дворик и из окна не видно ни кусочка неба. Построен он был в «красные» времена³⁸, и при проведении строительства было все сделано так, чтобы сырость не покидала стен блока. А что такое постоянная сырость? Через какое-то время начинаешь гнить заживо, малейшая царапина, ранка начинает гноиться, долго не заживают малейшие порезы, кожа начинает раздражаться. В общем, все условия для «здоровой жизни».

На первом этаже штрафные изоляторы, на втором – отделение для пожизненных и БУР. В блоке собрана вся «пенка» зоны – сливки общества, все отрицалово, все самые кипишные и беспокойные зеки, из них процентов 70 – наркоманы. В общем, радужное место, где полностью ощущаешь все прелести жизни.

Так начался мой изолятор. Первые дни я плохо помню, так как было очень плохо, знакомые по блоку давали снотворное, чтобы было легче. Чай и сигареты подавались с общака каждый день, с этим проблем не было.

Самое ужасное в изоляторе – это утро. Надо просыпаться в полседьмого и нести матрас, потом прятать все палево³⁹, обматываться вокруг тела одеялами, чтобы на проверке не прощупали. Ну, а после проверки со спокойной душой стелешь фуфайки, сверху одеяла и другую одежду и легко спишь на полу. Я называл это «половой жизнью». Причем, вот парадокс, когда матрасы получаешь, то спать вообще не хочешь, и иногда до 4 часов утра идет движуха, а потом, днем, на полу спишь без задних ног. Дни в карцере похожи друг на друга, хотя в камеру вживаешься, адаптируешься, и время начинает бежать быстрее. Мы часто мутили гашиш, плюс с нами делились наши знакомые, если им удавалось разжиться курехой. Несколько раз давали фен⁴⁰, но в камерной системе он давит на психику из-за того, что нечем заняться.

Баландер, кто раздавал в карцере еду, был близким знакомым, еще летом мы с ним имели дела, и он был на воле соседом моего однохлебника и товарища по зоне. Поэтому нам был везде «зеленый свет». И в плане пищи из столовой тоже. Через пару дней Чапай, так звали баландера, принес радио, жизнь стала веселее. Тишина в карцере очень угнетает и какое-никакое радио – бальзам на уши. Но мне нужен был телефон, причем я не хотел тратить время на его поиски. Поэтому я решил действовать через Чапая. Через пару дней он уже принес мне «Нokia 3210», деньги надо было отдавать потом.

Позволю себе небольшое отступление. Самое трудное в карцере – это найти

38 «Красные» времена – советское время

39 Палево – запрещенные предметы

40 Фен – фенамин, наркотик из группы стимуляторов центральной нервной системы

место, куда прятать все запрещенное администрацией. Камера малюсенькая, стены не подолбишь, сразу прибегут. А шмонают каждый день. Вообще, в плане сделать курок⁴¹ зеки – самый изобретательный народ. У меня, например, в зоне все лето телефон лежал в баллоне из-под геля «Жиллет», несколько раз на обысках менты брали его в руки, вертели, но, ничего не заподозрив, ставили на место. Когда я это видел, уровень адреналина в моей крови подскакивал до запредельных отметок.

Все вроде началось как нельзя лучше, я отломался, телефон и радио есть, курнуть и прочие радости ловлю от друзей. Что еще надо? Но тут пошли заморочки.

Сначала с ремонтом. В 9-м блоке делали ремонт некоторых камер, приспособив их под евростандарты. Выглядело это так: весь день наждачной бумагой по мозгам проходится визг болгарки, рев сверла, ночью наступает самое приятное. Так как днем менты работают на дежурстве, то процесс нанесения краски начинали делать ночью. Запах растворителя и краски проникал отовсюду, сколько я не затыкал двери тряпками, от него некуда было деться. Он сводил с ума, зажимал голову железными тисками боли.

На третий день, в 2 часа ночи, половина изолятора решила кипишнуть, и в знак протеста отказаться сдавать матрасы, и вообще отказаться подчиняться ментам. Другая же половина, у кого не было столько духа, не участвовала в акции неповиновения. Утром среди камер, поддержавших эту акцию, моя была первая.

Лязг двери. На смене работает Эдик, молодой парень лет 24. Видя, что мы не шевелимся, он говорит: «Сдавайте матрасы». В ответ же он услышал целую кучу фраз, суть которых сводилась к тому, что сдавать мы ничего не будем, что менты обнаглели. Помимо того, что посадили на кичу, так еще и спать не дают своей краской, мол, покажи закон, где написано, что в карцере нам не должны давать спать. Опыта работы в этой системе у Эдика было мало, и видно было, как он растерялся и не знал, как ему поступить. На его лице усиленно проступил мыслительный процесс, подумав около минуты, он закрыл дверь и пошел дальше. Прогнозируя развитие событий, мы с сокамерником уже знали, что, как только закончится обход, старший смены доложит на вахту о том, что в изоляторе неподчинение, и в блок пожалует вся вахта. Поэтому все, что могут забрать, сразу было подано через окно наверх, в БУР, где у нас находился склад. Через полчаса открывается дверь, и за порогом мы видим всю вахту, нас под руки выводят и заводят в нулевку.

Нулевка – это камера, где нет ничего, кроме топчана на одного человека, туда помещают буйных эзков и в наказание. Минут через 15 в нулевке были собраны все, кто отказывался подчиняться. Стояли впритык друг к дружке, но настроение у всех было приподнятое. Во-первых, ребята все собрались отчаянные и духовитые, во-вторых, хоть как-то, но противодействовать ментам надо, а не давать держать нас за животных. Ну и, в-третьих, разнообразить

карцерную жизнь. В блоке тем временем вахта безумствовала, из камер вылетало все: лишние фуфайки, полочки, чай и прочая бытовая мелочь. Но, тем не менее, к нам пришел дежурный помощник начальника колонии и спросил, в чем наши требования. Мы объяснили. Он ответил, что постарается решить нашу проблему. И действительно, через полчаса нас развели по камерам, где был такой разгром, как будто тропический шторм бушевал не одну неделю. Но с тех пор по ночам больше не красили. Мы все радовались, что так легко всего добились. Дурачки. Мы еще не знали, что через три недели в блок введут тюремный спецназ, чтобы мы не наглели.

28 декабря 2004 года с утра нас вывели в душ, день начинался неплохо, мы помылись, планировали пойти погулять в боксе. Распаренные, начали вытираться, и тут раздались крики, и послышался топот множества ног. В голове еще мелькнула мысль: неужели маски?

Это действительно были они. Маски-шоу, тюремный спецназ – отряд для подавления заключенных, самое приятное начало дня. За полгода я попал под него уже второй раз. Вводится он тогда, когда создается угроза безопасности тюрьмы и необходимо подавить заключенных психологически и морально. В зоне в наш блок его вводили по причине большого количества наркотиков, идущих оттуда, и большого количества людей из тех, кто убегал из блока и прятался в камерах из-за угрозы жизни. В 9-й блок ввели спецназ за неповиновения из-за краски. Из-за угрозы и попытки нападения на мента, случившихся неделей раньше.

Первые мысли были о том, что мы «попали», после душа, раздетые... И, если будут бить дубинками, то по голому телу это будет особенно неприятно. Было слышно, как за дверью проносятся отряды, отрывистым лаем проносятся приказы и отдаются команды. В одну из пауз, при передислокациях «масок», нас быстро завели в камеру, где мы в спешке начали одеваться, обматываться одеялами, напяливать толстые кофты и кутаться в фуфайки. Терзали смутные сомнения, что курс дубинкой будет применен к нам со всей серьезностью.

И тут началось...

Сначала в блоке залязгали двери и раздались крики. Содержание их не внушало радости. ЛЕЖААААТЬ! РУКИ НА ГОЛОВУ! НИ С МЕСТА! БЕГОМ, БЕГОМ! Маски рывались в камеры, клали всех на пол, нежно пару раз прохаживались кулаками-ногами, кому как повезет, и гнали в боксы на улицу. Звуки тем временем приближались, это было похоже на какую-то волну, которая вот-вот проглотит тебя. В кровь выбрасывался толчками адреналин, сознание было ясным, но страха не было, наоборот, какая-то собранность и сосредоточенность. Слышалось, как ногами пинали в двери, глухие звуки ударов, топот ног. И тут, наверху, Данила включил свой музцентр. На полную катушку запел «Раммштайн», песня «Ду Хаст»...

Вот это было в тему. Крики, лязги, топот, и на фоне всего этого жесткие

гитарные рифы. По киче прокатился смех. Самое интересное, что инструкции у спецназа так четко расписаны, что выключить центр они не могут. Один прикрывает дверь, двое контролируют зеков, и никто не может без угрозы безопасности менять позицию. Все было похоже на какое-то кино с саундтреком «Раммштайна». Амуниция спецназовца серьезна и подавляет уже своим видом. Легкий кевларовый бронежилет, наколенники и налокотники, перчатки армированные (ножом не перережешь), шлем бронированный, помповое ружье, дубинка резиновая и ботинки для нежного поглаживания.

И вот распаивается наша камера. Но мы, как продуманные зеки, уже заняли исходные позиции, лежа на полу, ноги раздвинуты, руки на затылке. Но все равно луженая глотка проорала: «ЛЕЖАТЬ! РУКИ ЗА ГОЛОВУ!». Я почувствовал пару нежных пинков под ребра и грубый шмон. Далее нас вывели в коридор и поставили лицом к стене, в позе «зю», обыскав еще раз, над самым ухом проорали: «БЕГОМ! ЛИЦОМ ВНИЗ!» И чтобы мы чувствовали себя увереннее, дубинка дружески похлопала по почкам. Пока длилась моя маленькая пробежка в бокс, мне не повезло, так как по моим ногам прошлись удары, довольно чувствительные, сокамерник же налимом проскользнул мимо. 3 часа нас морили в боксах, пока не завели обратно в камеры. Это был крах. У нас забрали все, даже миски с ложками, щетки, ручки, бумагу. Все нажитое непосильным трудом, и это был конец. Потом мы, конечно, получили все назад, но нам это стоило четырехдневной голодовки, но это уже совсем другая история.

Голодовка

Маски ушли. На душе было тяжело и гадко. С таким трудом созданный уют был разрушен и уничтожен. Как будто морально изнасиловали и наплевали в душу. И вдруг тишину взорвал оглушающий лязг. То тут, то там зазвенели двери, и карцер наполнился таким шумом, что казалось: голова взорвется. Я схватил швабру и стал с остервенением стучать в дверь, внося свою лепту в общий хаос. На шум прибежали все менты в блоке, но и они были в не меньшем отчаянии, так как весь гнев зеков обрушился на них, и все проблемы с вещами предстояло решать именно им. В первый день с вещами никаких вопросов не решалось, по большому счету, в блоке работали мелкие сошки, и они сами не знали, куда увезли наши вещи. Но наш разум, замутненный эмоциями, отказывался это понимать. Все вылезли на окна, и началось бурное обсуждение сложившейся ситуации, эмоции были настолько сильными, что весь карцер бурлил. Постепенно пришли к выводу, если хотим получить все, если хотим, чтобы к нам отнеслись серьезно, то единственный выход – это голодать. Голодовка в условиях карцера – это не то же самое, что голодовка на воле или на зоне. Здесь все намного жестче. Первое – постоянный холод, из-за чего тело вынуждено тратить больше калорий, чтобы согреться. Второе – недостаточно качественное питание, и вес даже без голодовки падает. Для тех, кто сидит в

карцере как минимум две недели, голодовка очень большая нагрузка на уже измотанный организм. К этому времени я уже отбомбил больше месяца.

И вот решение принято: во время приема пищи мы говорим, что отказываемся от нее. С тоской в душе мы проводили взглядами тележку с продуктами, но на душе не было особой тяжести, как никак все было затеяно не просто так, и все друг друга подбадривали. К вечеру начало подводить желудок. Когда привыкаешь получать еду строго по режиму, то, как у собаки Павлова, к назначенному времени начинается бурное выделение желудочного сока. Организм бьет в набат, требуя пищи. Но было терпимо. Единственная неприятность была в том, что было очень трудно уснуть. Хотя я списываю это частично на нервы – маски и адреналин дали о себе знать.

Утро второго дня началось неплохо, особого голода не ощущалось. Подали с общака чай и курево. Я закурил, и чуть не стошнило, голова закружилась, и подкосились ноги. Именно тогда мне пришла в голову светлая мысль: подвязать с курением. Все ждали, что с утра начнут решаться проблемы, возникшие после потасовки. Но менты тоже решили сделать выдержку, и провести этот день в тишине. К обеду начал ощущаться упадок сил. Стало трудно вставать, кружилась голова, немного пошатывало, и по-прежнему сильно сводило желудок. На окнах еще переговаривались, но чувствовалось, что энергия уже не та. Чтобы как-то отвлечься от мыслей о еде, я погрузился в книжку. Но, несмотря на это, меня настойчиво преследовала пища, в голове всплывали красочно оформленные блюда, рот наполнялся слюной. К вечеру чувство голода чуть отступило, но все равно заснуть было трудно.

На третий день острое чувство голода схлынуло, осталось только тупое чувство в области живота. Силы стремительно убывали. Трудно было постелить на полу фуфайку и припрятанные одеяла, трудно было вставать, трудно было говорить. С утра пришли менты и попросили составить опись исчезнувших вещей, начали уговаривать начать есть, упирая на то, что нам все вернут и решат все проблемы. Давление на нас с целью прекращения голодовки шло отовсюду. Каждое посещение, каждую проверку нам говорили, что вот-вот принесут вещи. К середине дня из отдельных камер уже доносились голоса о прекращении голодовки и начале приема пищи. Настроение на душе было тоскливое, в голову лезли всякие мрачные мысли. Что меня поразило, так это удивительная ясность в голове. Это было похоже на медитацию, внутренний диалог временами останавливался, сознание было прозрачно, как утренняя роса. Казалось, что оно существует отдельно от утомленного тела. Все приобрело необыкновенную резкость и четкость, краски стали насыщенными. Это была настоящая психоделия. Может быть, организм перевел мозг на уменьшенное потребление энергии, а, может, из-за недостатка углеводов в крови мозг перешел на другой режим работы. Не знаю, но то состояние я запомнил на всю жизнь. До конца дня мы практически не двигались и лежали на полу, сил уже не оставалось. Мысли о еде стали безумно навязчивыми, изредка они всплывали в голове, и избавиться от них, казалось, не было никакой возмож-

ности. Они уходили и возвращались вновь с утроенной силой. Все было как в трансе.

На четвертый день, относя матрас, я потерял равновесие и рухнул на пол. Сил встать не было, и было так приятно: валяться на холодном бетоне, что я долго не хотел подниматься. К обеду нам начали приносить наши вещи, но сил радоваться уже не было. Мы не смогли разобрать кучу, а просто лежали и смотрели на нее. Голодовка подходила к концу, но мы ждали, пока вернут всем. Все было как во сне, голова ясная, но состояние немного делириозное. У меня не было сил радоваться тому, что вечером я возьму пищу, хотя мозг считал минуты и секунды до этого момента. Выходить из голодовки решили осторожно и не накидываться на пищу. Как легко об этом подумать, но как было трудно осуществить. Тюремная баланда, которую в обычные дни с трудом проталкиваешь в себя, тогда предстала самым лучшим, самым вкусным блюдом на земле. Запахи кружили голову и сводили с ума. Тушка сметала все препоны и хотела пищи. Немного поели склизких макарон, вкус которых был непередаваемо прекрасным, и запили горячим сладким чаем с булкой. Все очень тщательно пережевывали, чтобы не загнуться с желудком. О, пища, ты бог. То, что я испытал потом, было неповторимо. Все героиновые и опиумные приходы стоят скромно в уголке и чернеют от зависти. В кровь было выплеснуто запредельное количество эндорфинов, и я почувствовал волны. Волны опиумного тепла, нежные ласки бога Морфея. Я валялся на полу, и меня натурально тщило от склизких макарон и чая с булкой. Глаза закрывались, и я чувствовал, как в мое истомленное тело возвращаются силы. Кровь ожилилась, и волны мурашек проходили в меня сверху вниз. В тот вечер я был счастлив. На пороге, совсем близко, маячила свобода...

Роза Михайловна К. О сыне и созависимости

Интервью с Розой Михайловной К., матерью потребителя наркотиков, отбывающего наказание по ст. 228.4 УК РФ (11 лет 6 месяцев) в колонии особого режима в Мордовии.

– Расскажите, пожалуйста, о вашем сыне.

– Когда я узнала, что мой сын употребляет наркотики, – не знала, куда сунуться. А потом ведь всегда кажется, что это коснется кого угодно, но только не нас. Мне всегда казалось, что мозги у моего сына есть, наркоманом он никогда не станет. То есть где-то кто-то употребляет наркотики, но только не мой сын. А потом, когда я увидела, как он варит это зелье и делает укол... Страшная картина. Мы с ним ездили к моим родителям в Чебоксары. Спрятаться там

было сложно, и я там случайно увидела это.

Все ребята, и моложе Игоря, и постарше, и его возраста, – все колются наркотиками. Это меня поразило. Вроде бы городок не является «наркоартерией». Причем стерильности при употреблении у них нет. Они не знают, что нужно соблюдать стерильность, не знают, как обезопасить себя. Полная безграмотность в этом смысле.

– У них нет никакой информации о рисках, которые связаны с потреблением наркотиков?

– Да. Я же не знаю, где он варит этот раствор. Это уже потом, когда он мне сознался в своей болезни, тогда он стал заниматься изготовлением и колоться только дома, зная, что я здесь за стенкой, и помогу в случае чего. Особенно после того, как его привезли почти умирающего, его друзья бросили. Выпихнули из машины, когда он передозировку получил.

Как говорится, вот она – их солидарность. Там, где начинаются наркотики, дружбы больше нет. Есть только один интерес – достать, употребить. Я знаю, сколько «друзей» бросают в подъездах передознувшихся. Кому-то стало плохо – они сразу бегут, вместо того, чтобы помочь. Иногда вызывают «скорую помощь», а с врачами приезжает милиция. Ничего хорошего не будет, вот они и боятся. Притупляются многие человеческие качества, особенно когда у наркоманов наступает момент потребности в наркотиках.

– Ломка?

– Ломка, да. Когда я узнала у него, в чем заключалась его жизнь, то ужаснулась. Утром проснулся и лихорадочная мысль – где достать. Он звонит одному, другому, третьему. Ему звонят. Как только он узнал, где, у кого – все, он уже спокоен. Он может идти позавтракать. Для родственников это ужасно. Сына жалко. И у меня, и у него безысходность... Трудно... Очень трудно так жить. Но сейчас, мне кажется, с тех пор как он стал посещать храм, у него совершенно перевернулось мировоззрение.

– Он посещает храм в колонии?

– Да, в зоне. До этого я его никак не могла уговорить. Он говорил: «Да ну тебя, ты ничего не понимаешь». Такое было отношение к Богу. А в зоне оказался – и разговоры стали другими. По нему видно – другим человеком стал. Ну, дай Бог, чтоб так было.

– А вы сможете справиться с этой проблемой после его освобождения? Справиться с наркотиками, если они опять появятся в его жизни?

– Я не знаю. Честное слово, я все время этот вопрос себе задаю, но почему-то мне кажется, что все преодолимо. В моем случае. Я не знаю, как у других. Мне кажется, что у него пришло понимание, осознание. Ему очень жаль потерянных лет. Он же недоучился.

– Где он учился?

– Сначала он поступил в Московский государственный университет путей сообщения. Год проучился. Ему не понравилось. Когда появились платные курсы, пошел на экономический факультет в Московский экстерный гуманитарный университет. По-моему, и курса не окончил, как его посадили первый раз. Когда он вернулся из тюрьмы, ему присылали оттуда приглашения продолжить учебу. Опять не успел.

– Сколько ему было лет, когда его первый раз посадили?

– Двадцать один год, а сейчас ему тридцать один. Уже 5 лет сидит. В 1995 первый раз. Десять лет выкинул. Я даже не считаю, что он выходил. Оба раза его отсидки как сплошной срок.

Во всяком случае, он говорит, что попасть в этот дикий край, в Мордовию, – это гораздо лучше, чем если бы он сидел под Москвой, в Крюкове. Он на многое посмотрел совсем по-другому. Переосмыслил, мне кажется.

Но когда он вернется на свободу, все может начаться снова. Иногда мне кажется, что так не случится. Может потому, что у него впереди большой срок, как-то надо выживать. В Мордовии совершенно нет наркотиков, в отличие от Москвы и Подмосковья, где есть наркотики в тюрьмах. Чем ближе к Москве, тем хуже.

– Существует ли решение проблемы наркотиков? Можно ли справиться с этой проблемой? Если да, то каким путем?

– Я затрудняюсь ответить. Пока есть рынок, будет и сбыт. Вы сами понимаете, какие деньги в наркобизнесе крутятся.

Начнем с того, что наркоманы все распродают. У нас машина ушла, телевизор из дома ушел. Типичная ситуация всех семей. Все воруют. А потом уже, когда нечего выносить, они пользуются такой системой: я кому-нибудь достану, а они мне чуть-чуть дадут героина. Это известная система. А поначалу они, конечно, все продают. Причем в нужный момент у него можно и квартиру выбить. Он все необходимые документы подпишет, если будет сильная ломка и денег негде взять. Я, правда, не знаю, что они при этом ощущают, но он мне говорил в последнее время: «Мам, меня даже этот кайф не радует. Мне ничего уже не надо. Просто дикое желание уколоться. Ты знаешь, как может хотеться курить? Представь, что это желание в сто раз сильнее». Я курю, и он для сравнения привел пример, чтобы я понимала, какая это зависимость.

– Вам спокойнее, когда он сидит в колонии?

– Проще передачи носить, чем видеть, как он колетса, убивает себя. Я жила его жизнью. С утра думала: «Где он теперь достанет?». У меня были те же проблемы. Даже ломку его немного чувствовала.

– Нужна ли реабилитация таким людям?

– У меня все время было желание, чтобы им дали какую-нибудь резервацию, где бы они работали, зарабатывали себе на дозу. Где были бы условия для того, чтобы они «оттягивались». Чтобы за ними присматривали, и чтобы они хоть какую-то пользу приносили. Как раньше ЛТП были. Не пошел бы работать, а знал, куда можно пойти. Пошел туда, отработал, получил, отоспался. Чтобы государство предоставило ему способ легально получать наркотик. Но на это, я думаю, никто не пойдет.

– То есть люди должны куда-то ходить, работать и получать дозу?

– Да. Работать в любом случае. Это первое необходимое условие. Потому что они от безделья хуже себя ведут. Я по себе знаю: когда я ничего не делаю, я курю больше, чем когда я занята. Так же с наркотиком. Пусть отвлекаются на какую-то работу, а если работа еще и интересна ему, так вообще забудет про наркоманию.

– До того, как вашего сына посадили в первый раз, он учился. А за полтора года между тюремными сроками он пытался найти работу?

– Да, пытался, чтобы совсем без денег не сидеть. Но им же очень сложно найти работу. Я сейчас с ужасом думаю: «Вот он вернется, и куда пойдет работать?». Во-первых, из тюрьмы, во-вторых, наркоман. Все двери закрыты. Его даже водителем не возьмут. Только если грузчиком. Все боятся наркомана. Причем больше боятся мужчины. Женщины более покладисты. Мужчины как услышат «наркоман» – все. Куда угодно, только не к нам. Недавно попалась мне статья – какой-то монастырь в Ярославской области. Там организовали реабилитацию. Приходи, работай, зарабатывай, получай деньги. Мы тебя не держим. Так эти наркоманы стали докучать. Стали пропадать какие-то вещи. Наркоманы приходили, пользовались тем, что их кормят, но не работали. Поели и пошли. Этот проект закрылся. Это даже «реабилитационным центром» не называлось. Хочешь – приходи, работай. У них есть для таких людей и стол, и постель. Но наркоманы оказались неблагодарными.

Сын мне говорил: «Нельзя верить наркоманам. Они все что угодно наговорят». Его друзья или знакомые, которые употребляют, приходили, говорили: «У нас есть возможность помочь, передачу сделать». Берут деньги – и с концами. Или займы взять норовят, с три короба придумают. Один даже сказал, что ему надо отца похоронить. А отец даже не думал умирать. Фантазии не занимать. Причем, они неадекватны. Они же думают, что они самые умные, что другие ничего не понимают.

Когда сына посадили, у него остался приятель из соседнего дома. Он прибежал ко мне. Его не интересовало, посадили Игоря или нет, куда, на сколько, что с ним. Он спросил: «У него там ничего не осталось?».

Я говорю: «Я выбросила». Он спрашивает: «А куда выбросили?». Отвечаю:

«Да с балкона выбросила». Он с неделю под балконом ходил. Взрослый мужик. Двое детей. Я спросила: «У тебя проблемы?». Ответил: «У меня нет проблем».

– А вы когда-нибудь задумывались, почему ваш сын стал употреблять наркотики?

– Он просто хотел быть как все. Я же знаю, что из их класса все, с кем он дружил, попали в ту струю. Жду теперь с надеждой, что не вернется к наркотикам...

Послесловие к интервью

Осенью 2004 года Роза Михайловна дождалась своего сына. Она наняла адвоката для написания заявления на пересмотр приговора в связи с изменением законодательства в отношении наркотиков от 6 мая 2004 года. К сожалению, адвокат был заинтересован не в отстаивании интересов клиента, а в наживе. Он взял гонорар и скрылся. Розе Михайловне пришлось не только поддерживать сына, но и разыскивать адвоката. Теперь все позади.

После освобождения мать и сын столкнулись с новыми проблемами. Около двух месяцев Игорь не мог получить паспорт, выдача документов постоянно затягивалась в паспортном столе без видимых причин. С трудоустройством тоже не получалось. Никто не хотел принимать на работу бывшего заключенного. Некоторое время Игорь пробивался случайными заработками, практически живя на пенсию матери. В службу занятости Тимирязевского района Москвы его тоже не сразу поставили на учет, неизвестно по какой причине. По установленному порядку в центрах занятости населения сотрудники должны предложить человеку, поставленному на учет по безработице, не менее трех организаций, нуждающихся в рабочих и служащих. В случаях письменного отказа работодателя от потенциального работника, человеку начинают выплачивать пособие по безработице.

Игорю предложили обратиться на два предприятия. В обоих случаях ему отказали. Роза Михайловна считает, что в центре занятости «неперспективным» безработным, таким как Игорь, предлагают обратиться на те предприятия, где уже нет рабочих мест, заведомо зная, что человек получит отказ. Лучшие места сотрудники центра занятости приберегают для людей с незапятнанной репутацией. Игорю назначили пособие по безработице.

Наркотики Игорь употреблять не хочет. Старых приятелей, употребляющих героин, Игорь избегает. Новыми знакомствами не обзавелся. Нет у него и девушки.

Игорь остался один на один со своими проблемами. Матери не обо всем можно рассказать. Роза Михайловна готова опустить руки, понимая, что система продолжает ломать сына безработицей, неустроенностью, социальной неадаптированностью после шестилетней отсидки в лагере особого режима.

Игорь получил 11 лет 6 мес. особого режима с конфискацией имущества за хранение «особо крупного размера» героина – 0,009 г и за хранение с целью сбыта 0,95 г героина, хотя по уголовному делу сбыт не был доказан. Если бы не изменение законодательства в отношении наркотиков, молодому мужчине пришлось бы отбывать срок до 2010 года. Неизвестно, дождалась бы мать сына из лагеря.

Оксана В.

«Я заразилась ВИЧ в тюрьме: не выдержав ломки, взяла чужой шприц»

Мы познакомились с Оксаной в тот период, когда я начала ездить в женские тюрьмы. Я оказывала гуманитарную, психологическую и информационную помощь ВИЧ-положительным женщинам, содержащимся в местах заключения.

Мы везли в тюрьму одежду и обувь, иногда чай, сигареты и карамель – главную «валюту» в любой тюрьме. Обязательно брали информационные материалы. Часто девушки просили привезти им новые статьи о лекарстве от СПИДа, которые каждый месяц пестрели в желтой прессе. Тем, у кого нет помощи из дома, мы раздавали конверты, тетради, открытки. Просили в основном открытки «С днем рождения» – поздравлять детей.

После общения с ВИЧ-инфицированными у нас оставалось время на разговоры и решение проблем, коих у заключенных женщин не счесть.

Оксана с подругой подошли ко мне и попросили поговорить наедине. Время подходило к ужину, надо было сворачивать деятельность и уходить из барака, но мне удалось уговорить моего сопровождающего обождать несколько минут.

Оксана взахлеб начала рассказывать о своем ребенке. Попросила найти его в детдоме.

История ее банальна для большинства женщин, получивших сроки лишения свободы.

Несколько лет Оксана употребляла наркотики, пока не познакомилась с молодым человеком и не забеременела. Во время беременности она не наблюдалась у гинеколога. Когда Оксана первый раз обратилась к врачу, та стала настаивать на аборте. Отношения с врачом не заладились, поэтому никакого наблюдения не было. Все, что было в ее силах, Оксана делала: уменьшила дозу, но полностью отказаться от героина не смогла; устроилась на работу, чтобы хорошо питаться. Молодой человек ушел от нее, когда девушка была на пятом месяце. Пришлось одной справляться со всем. Оксана поселила к себе девушку, которая зарабатывала проституцией. Плата составляла суточ-

ную дозу героина. Оксана свои заработки тратила только на еду и пеленки для будущего ребенка.

Перед родами Оксана сдала анализы на ВИЧ, результат пришел отрицательный.

Родила сына. Через некоторое время, не справляясь навалившимися проблемами, Оксана вновь вернулась к постоянному употреблению наркотиков. Ее дом превратился в притон. Родные отказались от Оксаны и ее ребенка.

В один из дней приятель попросил ее помочь купить ему наркотик. Оставил деньги. Оксана, полагая, что за помощь он угостит ее, согласилась. В тот момент, когда она отдавала ему героин, ее задержали сотрудники милиции. Меченых денег при ней не оказалось, сдать продавца милиционеры не просили, просто сунули ей в карман другие меченые деньги и увезли в отдел.

Ребенок остался дома один. Несмотря на это домой Оксану не отпустили. Соседи составили письмо в отдел соцзащиты с требованием лишить родительских прав «наркоманку, содержательницу притона». Ребенок несколько суток находился дома один. Иногда заботу о нем брала на себя проститутка, жившая с Оксаной. Потом пришли соцработники, забрали ребенка и опечатали квартиру.

Проведя в тюрьме несколько недель, Оксана познакомилась с вновь поступившей девушкой. Та, находясь на кумаре, нашла таблетки «Пенталгина».

Девушке удалось пронести с собой шприц. Таблетки растолкли, смешали с водой и укололись одним шприцем. Через несколько месяцев, будучи в транзитной тюрьме, Оксана узнала о своем ВИЧ-статусе. Источником заражения оказалась та новенькая девушка, которая знала о своем диагнозе, но не считала нужным предупредить.

О лишении родительских прав Оксана узнала, когда пришел ответ на ее запрос в департамент соцзащиты о месте нахождения ребенка. Оксане сообщили, что она лишена родительских прав, а где находится ребенок, сообщать не имеют права.

И вот, подойдя ко мне, Оксана просила найти ее ребенка. Я согласилась помочь.

После многочисленных запросов ребенок нашелся в одном из детских домов города N.

Оксана стала посылать ребенку посылки. У нее в это время начинались серьезные проблемы со здоровьем. Организм ослабевал, иммунитет падал. Через два месяца после того, как были приняты поправки по ст.228 УК РФ, Оксана подала заявление о пересмотре приговора. Приговор был пересмотрен, срок снижен. Учитывая, что у Оксаны есть малолетний ребенок, а сама Оксана больна, ее отпустили по УДО. Правда, до суда ей пришлось долго ждать: судьи редко торопятся в таких случаях..

После освобождения Оксане не отдавали ребенка и не принимали на работу. Из квартиры были вынесены все ценные вещи. Заработанные в колонии деньги уходили на посылки в детдом.

Оксана опять начала употреблять наркотики. Соседи написали заявление в милицию, но в этот момент Оксане удалось устроиться на работу швейей. Эту профессию она освоила в колонии.

Оксане вернули ребенка, но органы опеки и сотрудники милиции постоянно держали ее на контроле. Оксана познакомилась с молодым человеком, употребляющим наркотики, и все вернулось на круги своя.

Через полгода после освобождения у Оксаны забрали ребенка. На нее завели уголовное дело, отпустив под подписку о невыезде. Через две–три недели Оксана умерла от сепсиса. В больницу она не обратилась, умерла дома. Возможно, если бы вместо тюремного заключения ей предложили действенное лечение от наркомании, все вышло бы по-другому.

Ребенок находится в детском доме, так и не успев привыкнуть к маме...

Еще одна девушка просила найти двух ее детей, близнецов. Дети нашлись, но их отдали на иждивение в другую семью. Шансов увидеть когда-нибудь своих детей у нее очень мало. На суде ее не лишали родительских прав, получается, что лишили, даже не уведолив ее. Никакие бумаги ей не приходили. Она полагает, что это было сделано по заявлению соседней, которые знали о том, что она ВИЧ-инфицирована и употребляет наркотики.

Светлана Н. Строгий режим

Письмо Светланы Н. публикуется с разрешения автора. Адресатом является автор данной книги. Имя героини изменено.

Здравствуй, Люба!

Пишет тебе Света из Шаховской колонии.

Я очень рада, что мы с тобой познакомились. Когда ты к нам весной приехала, мне хотелось к тебе подойти, попросить, чтоб ты привезла мне гуманитарку из вещей на освобождение. Я освобождаюсь 18 января 2005 года. Но подойти к тебе я не смогла, мы работали с переработками в тот период, по 12 часов в сутки на швейке. И тут твои анкеты помогли, помнишь ты «вичевым» давала заполнять? Теперь я могу с тобой общаться, а то без нормального общения с воли деградировать можно. Как ты и попросила, пишу о себе. Правда, не знаю с чего начать и что из моей жизни тебе интересно.

Я родилась в Москве в 1975 году. Сижу по ст. 228, ч. 1;4 УК РФ (за 0,002 г героина). А точнее, героин у меня не изымали, а изыали «ватки». Это когда кипятить героин в воде, потом раствор в шприц через ватку надо перебирать.

Таких «ваток» у меня накопилось пять штук в пузырьке, их-то и изъяли, и за них дали срок пять лет.

Арестовали меня случайно. А так как паспорта не было (его раньше порвали оперативники), прокурор дал санкцию на арест.

Я начала употреблять в 17 лет. Мой парень начал колотиться героином и втянул меня. Родители мои выпивают крепко, дома меня не воспитывали. Мама старалась что-то сделать для моего благополучия, но не всегда получалось. Выпивала мама только лишь потому, чтобы отцу меньше досталось, такое происходило, я думаю, во многих советских семьях. Только бабушка прилагала усилия к моему воспитанию.

После школы я поступила в Московский автодорожный институт, где училась до третьего курса, хотя успеваемость у меня была хорошая, как и в школе. Недоучилась из-за первого ареста. Надо было зарабатывать деньги на наркотики, ломки были ужасные. Я не могла самостоятельно бросить. Ложилась в больницу №17⁴², не помогло. И вот барыга предложила мне за дозу поработать на нее. Она брала деньги за героин у наркоманов, а я должна была выносить и передавать им наркотики. Так шла продажа. Арестовали меня, когда я шла отдавать героин. Кстати, барыга обманывала наркоманов: вместо одного грамма продавала 0,6 г, за это количество меня арестовали.

После семи месяцев в тюрьме мне дали условный срок на суде. Я вышла и решила начать все с нуля. Познакомилась с парнем. Прошло немного времени, и я поняла, что забеременела. Стали жить вместе.

Любимый мой стал приходить домой все позднее, и все реже в нормальном состоянии. Я поняла, что это за состояние: он стал наркоманом.

Однажды я не выдержала и высказала ему все наболевшее, а он словно озверел: сначала ругались, а потом он повалил меня на пол и стал пинать ногами в живот. Так я потеряла ребеночка. Еще не успела оправиться от шока (прошло 27 дней), как умирает моя мама. Отец пуще запил, любимый человек меня бросил, но и я его не простила за то, что по его вине потеряла ребенка. Хорошо что соседи помогли похоронить маму, спасибо им. В общем, хоронила я мать одна, без родных.

После похорон я сорвалась опять, начала употреблять наркотики. Один раз меня «приняли» с дозой героина в шприце (я оставила себе на утро, чтоб не болеть). Я вышла от подруги, а опера к ней шли с проверкой, знали, что у нее часто компании собираются. Меня привезли в районное отделение, и вместо того чтобы завести уголовное дело, предложили работать на них «на трассе», заниматься проституцией.

Это я тебе, Люба, говорю потому, что среди наркоманок не стыдно проституцией заниматься, стыднее воровать. В зоне почти все наркоманки на воле «путанили» на дозу.

Оказывается, опера были «крышей»⁴³. Я боялась сесть в тюрьму, на этот раз мне бы дали срок, приплюсвав условный срок с первой судимости, поэтому согласилась. Они мне велели прийти завтра, одетой вызывающе, и отвезли на точку. Первый раз было противно. Мне, как свеженькой, заплатили 1500 рублей за секс сразу с двумя мужиками по очереди, прямо в машине, за час или два.

Потом я привыкла. Поздно вечером приезжали опера, забирали деньги. Иногда привозили наркотики и нам продавали по дешевке. За то, что мы спали с ними или тем, кто заработал из нас большую сумму за день, героин давали бесплатно. О презервативах мало кто спрашивал и настаивал, будь то клиенты или опера и их друзья. Девчонки сами об этом заботились, некоторым было безразлично, или они деньги не хотели тратить на презервативы. Так я протянула два года.

Как-то к нам на точку подъехали какие-то менты, они не сказали из какого отдела. Тех, кто без регистрации, забрали в отделение. А мой паспорт порвали от злости, что я москвичка, а они сами лимитчики. Порвали, оставили себе листочки от него и нагло заявили: «Плати штраф в две тысячи рублей за то, что паспорта при себе не имеешь». Деньги я отдала, не хотела с ними связываться, уже слышана была, что и избить могут, покалечить, и «по кругу пустить»⁴⁴. Так я осталась без паспорта. Потом жаловалась своим операм, которые нас охраняли, даже номера машины запомнила и сказала. Они обещали разобраться, только кто за проституток будет заступаться? Тем более со своими спорить.

Через месяц я поняла, что опять беременна. Пошла в поликлинику, сдала анализы, и через две недели мне позвонили из поликлиники, попросили прийти. Так я узнала, что у меня ВИЧ. Что-то переломилось во мне. Тогда я не думала, что со мною будет, будущего не видела, только одна мысль не давала покоя: сколько осталось жить? Хоть мою жизнь трудно было назвать жизнью, но жить хотелось.

Я встала на учет в СПИД-центр. В женской консультации мне врач говорила: «Ты с ума сошла, рожать надумала? Ты наркоманка, у тебя ВИЧ, твой ребенок не жилец, он обречен». В июне я родила мертвую девочку. Это стало последней каплей, я знала, что настанет момент, когда я наложу на себя руки. Употреблять наркотики стала еще чаще, доза выросла. Колосась героином на «самоуничтожение». Вернулась «на трассу». Чего только я не натерпелась: и унижения, и избиения, и «субботники»⁴⁵. Отбирали деньги. Я тоже стала у

43 Крыша – организованное преступное сообщество, контролирующее секс-бизнес на определенной точке, в районе или по всему городу. В обязанности контролирующих входят решение проблем, разборки с клиентами при неуплате или избиении девушек и т.п. За эти услуги секс-работницы отчисляют процент с заработка и предоставляют «крыше» секс-услуги. Девушки могут быть избиты, закрыты в подвале без еды на несколько дней или подстрижены наголо за провинность (чаще всего – утаивание заработка)

44 Пустить по кругу – совершить групповое изнасилование

45 Субботники – дни, когда приезжают милиционеры или бандиты. Они выбирают девушек, увозят, чтобы бесплатно воспользоваться их сексуальными услугами, заодно заставляют мыть

клиентов деньги вытаскивать. Бросить героин не могла, всё заработанное и ворованное уходило на дозу.

В результате меня посадили на полгода в тюрьму, потом дали срок и отправили в колонию. Перекумарила в тюрьме я быстро. Хотя и сидела уже, и ничего нового для меня в ней не было, а все одно – страшно. Люди страшны, ведь от них никуда не деться, за одним столом кушать, в одной комнате спать. Если сразу не приживешься, то весь срок будешь очень маяться. Поэтому все мысли и ночью, и днем, пока кумар спать не давал: как бы на суде дело повернуть дело в свою пользу да срок поменьше получить? Ведь не убийство же совершила. Как выжить среди разношерстной публики, не опуститься, не стать стукачом за пачку чая и за меньшую отсидку, не впитать в себя тюремные нравы и быт. Хотя и жаргоном овладела моментально, и песни блатные да тюремные с бабами в автозаке завывала. И жить в лесбийских отношениях пришлось, ведь во время длительного потребления да при секс-работе при ментах-сутенерах организм не получал того сексуального удовлетворения, которое получает девушка, не употребляющая наркотики и живущая нормальной жизнью.

Так вот, Люба, скоро я выхожу на волю. Если бы не изменение закона по 228 «колумбийской» статье (мы так шуточно ее называем), то пришлось бы еще посидеть немного. На воле мне будет нужна помощь, я очень надеюсь, что ты сможешь. Мне нужно будет восстановить паспорт, прописку. Восстановить права в СПИД-центре, анализы сдать, чтобы лечения от ВИЧ добиться. У нас недавно освободили девчонку молоденькую, тоже «вичевая» была. А в тюрьме она получила туберкулез. Через короткое время после освобождения умерла от туберкулеза. В СПИД-центре ей отказали в лечении. И никого не лечат, пока в колонии находишься. А ведь обязаны, если есть показания. Здесь анализы не допросишься сделать, хотя это необходимо. Я не хочу вот так умереть, как она. Помогите мне.

Что я хочу и о чем мечтаю после отсидки?

Я хочу получить лечение от ВИЧ. Хочу родить живого ребенка и выйти замуж за ВИЧ-инфицированного парня, я ведь понимаю, что здоровому парню не нужна. Кстати, помнишь, ты привозила нашим девчонкам адреса ВИЧ-инфицированных ребят из Воронежской колонии? Так вот, наши девчонки до сих пор переписываются с некоторыми: цыганочка пишет кому-то, и те две девчонки, которые помилочки в один день отправляли, ты еще про результаты узнавала, помнишь? Они тоже пишут им, фотки шлют. Еще я хотела бы найти работу. И найду ее. Я здесь шить научилась. Еще я хочу помочь отцу, чтоб пить бросил.

И у меня есть мечта. Я мечтаю съездить в Париж. Не знаю, пустят ли туда дважды судимую? Люба, ты можешь про это узнать? Верю, что у меня все получится.

Добилась я, чтоб мне анализ на иммунный статус сделали и результат сказали. Они же в СПИД-центре знаешь, что творят? Анализ с горем пополам делают, машины, дом или отделение милиции

а про результат не говорят. Я скандал устроила, и мне показали результаты, но при этом сказали, что анализы мне делать больше не будут. Статус у меня 280 ед., это плохо, но я обязательно поправлюсь.

Боюсь тут туберкулез подхватить: в помещении у нас сыро, грибок на стенах. Красить, штукатурить или белить стены бесполезно. Мы тут же белье стираем и сушим. Но здоровье я берегу.

Люба, я обязательно зайду к вам в офис, как выйду отсюда. Надеюсь, ты мне поможешь с лечением и документами. Спасибо за одежду.

С уважением, Света Н., 11 ноября, 18 отряд.

Постскрипtum

Света освободилась перед Крещением, в лютый мороз, который особенно ощущается за воротами лагеря, в поселке, где вырос маленький город «заброшенных и преступивших». В поселке, продуваемом всеми ветрами, которым не за что зацепиться, ибо нет высоких домов посреди далекой от людского глаза местности. Света позвонила мне на работу, и мы с ней встретились. Восстановили документы, я сходила с ней в милицию, чтобы избежать унижений при постановке на учет как бывшей заключенной. Нашли ей работу в торговом предприятии.

Иммунный статус у Светы повысился, вирусная нагрузка упала. АРВ-терапия Свете не понадобилась. Все складывалось удачно, невозможно было предположить, что в какой-то момент все рухнет, как когда-то рухнула ее счастливая студенческая жизнь: учеба в МАДИ, влюбленный парень, живая и заботливая мама. И никаких наркотиков на горизонте.

Света умерла от передозировки героином спустя три месяца после освобождения. Неродившийся ребенок, ВИЧ-инфицированный принц и Франция остались несбывшейся мечтой.

Григорий Тер-Асатуров ГУЛАГ для больных наркоманией

С Григорием меня познакомила его мама. Тогда в альянсе «Новая наркополитика» начинался проект «За будущее детей». Мать Гриши приходила на собрания, занималась освобождением сына. С нашей помощью были освобождены из колоний несколько ребят, Гриша оказался в их числе. В наш офис после освобождения он пришел с большой кипой уголовных дел сокамерников, которые он взялся довести до конца.

Григорию недавно исполнилось 38 лет. Бывший заключенный по 228 ст., ч. 1– 4 УК РФ (0, 22 г героина изъяли у него дома, а 0, 47 г героина, по его сло-

вам, подкинули сотрудники милиции.

Срок Грише дали небольшой по меркам того времени – 5 лет с отбыванием в колонии особого режима. Отсидев четыре с половиной года, освобожден в связи с изменением в ст. 228 УК РФ.

Гриша имел несколько судимостей по наркотической статье:

В 1990 году по 224 ст. УК – условный срок

В 1997 году по 228 ст. УК – 3 года

В 2000 году по 228 ст. УК – 4, 5 года

До арестов Григорий работал звукооператором на студии в Театре киноактера. Начинались его наркотические опыты в 1984 году с «джефа» (стимулятор, изготовленный из препарата эфедрина). В 1989 Григорий начал систематически употреблять опиаты.

В 1990 году при аресте он попытался покончить с собой, его увезли в психиатрическую больницу. Гриша прошел курс лечения в наркологическом диспансере №13. Курс лечения помог несколько месяцев не думать о наркотиках.

Сейчас Григорий – инвалид второй группы. Заболевание началось с обморожения, полученного во время службы в армии на Крайнем Севере. Продолжилось тромбофлебитом на фоне рожистого воспаления. Инвалидность Григорий «заработал» в колонии из-за того, что к нему применялись карательные меры за «дезорганизационное поведение»: два года он провел в БУРе⁴⁶.

«При поступлении в Мордовское ИУ у меня были документы о необходимости серии хирургических вмешательств. Я требовал лечения, отказывался от работы, за что был признан систематическим нарушителем режима».

Из жалобы Григория на медчасть колонии:

«Меня лишают права на специализированное медицинское вмешательство, т.е. права на жизнь, т.к. данное заболевание в конечной стадии не исключает летального исхода».

Из характеристики Григория:

«Законные требования администрации воспринимает, как нарушение своих конституционных прав и свобод».

– По какой причине ты начал употреблять наркотики?

– По разным причинам. Наркотики были доступны. Были проблемы в личной жизни: девушка, с которой я жил до срока и после освобождения, периодически употребляла наркотики. Отсутствовала какая-либо реабилитация для бывших «сидельцев». После колонии надо в себя прийти, одному с этим справиться невозможно. После первых дней эйфории наступает депрессия: понимаешь, что вклиниться в новую жизнь не можешь, отстал сильно.

– С какими проблемами ты столкнулся после освобождения?

– Паспорт не мог получить четыре месяца по причине того, что не было в паспортном столе справки из колонии о том, что во время освобождения мне паспорт не выдавали. Хотя такая справка была у меня на руках, но ее не при-
46 БУР – барак усиленного режима в колонии

нимали к сведению, ссылаясь на то, что справка не прошла по канцелярии и не была зарегистрирована. Я стал жалобы писать в УВД, в Главное паспортно-визовое управление, в прокуратуру подал иск о возбуждении уголовного дела на начальника паспортного стола, в связи с допущенной халатностью. Как только до суда дошло, моментально мне выдали паспорт, намекнув, что при таких обстоятельствах надо дружить, а не ругаться. Хотели получить взятку в 100 у.е., как символ дружбы.

Паспорт выдали, но прописку не поставили. В процессе выяснилось, что меня выписали незаконно до приговора суда. Фактически меня еще не признали преступником, а уже выписали. Хотели, наверное, получить квартиру, у меня ведь мать 1934 года рождения. Думали меня посадят, а она своей смертью скоро умрет, и квартира ничья будет.

– Чем ты занимаешься сейчас? Где работаешь?

– Сейчас я занимаюсь решением своих и чужих проблем. Помогаю родственникам осужденных за небольшое вознаграждение составлять жалобы любого характера: добиваться УДО, медицинского освидетельствования, устранения медицинских нарушений, связанных с отказом от лечения. Например, мой друг отбывает наказание в колонии, не может ходить четыре года – его носят на носилках даже в туалет. Он не может пройти ВТЭК и получить соответствующее лечение. Ему отказывает администрация, ссылаясь на отсутствие врачей – специалистов узкого профиля, а перевозить в другое ИУ не хотят, накладно этап оплачивать. Получается, что человек пять лет лишен права на соцзащиту и, вероятно, он подлежит активировке.

В Мордовских ИУ активировку не практикуют, им лучше труп на колонию взять, чем освободить человека, дать умереть на воле или попытаться вылечиться в вольной клинике.

Я часто находился в ЛИУ⁴⁷. Умирало там много народа, в том числе ВИЧ-инфицированные, в основном они умирали от туберкулеза и от различных воспалительных процессов. При мне умерло много человек. Трупы умерших зэков отдавали родственникам в том случае, если родственники приезжали вовремя, т.к. тело держат определенный срок. Если родственники не успевали забрать, тело закапывали на общем безымянном кладбище для осужденных.

Почему не активировали?

Вполне возможно, что активировки продаются, и активируют только тех, кто платит. Это те немногие люди, с помощью которых выполняется план по активированным и пополняется кошелек некоторых чинов.

– Почему так происходит?

– Учреждение ЖХ-385 существует с 1920-х годов прошлого века. Оно относилось к ОГПУ. Из сотрудников администрации образовалась клановая система, в традициях которой были ненависть к осужденным и уничтожение политических узников. В наше время эти традиции переключились на заклю-

⁴⁷ ЛИУ – лечебно-исправительное учреждение

ченных по различным уголовным статьям.

– Какова медицинская ситуация в исправительных учреждениях?

– Люди попадают между режимом и медициной, как между молотом и наковальней. Пример: если осужденный заболел – это не принимается во внимание администрацией, и больной осужденный насильно привлекается к труду; если этот же осужденный теряет сознание – считают его симулянтом; ежели он умирает, то считают, что сам виноват, вовремя не обратился к врачу...

У меня не было ст. 97 УК – принудительного лечения от наркомании, но я знаю, что никто никого там не лечил. Почему мне не присудили ст. 97 УК на суде? Да потому, что у меня было подозрение на диагноз «лимфогранулематоз» – это раковая опухоль. Суд не назначил ст. 97, так как принудительное лечение от наркомании не совместимо с этим заболеванием, т.е. само заболевание и его лечение входят в перечень противопоказаний лечения от наркомании.

А курс лечения – это «Ноотропил», «Пирацетам», витамины, физкультура, трудотерапия. Но медикаментов нет, вот и не лечат, как предписывает 97 статья.

– В чем, по-твоему, должна заключаться реабилитация?

– В спектре услуг. Создание условий, при которых у человека возникает стимул участвовать в жизни общества, когда на него не смотрят, как на изгоя. Своевременное предоставление работы согласно его интересам и профессиональным навыкам. Важную роль играет такая вещь: верующий человек быстрее адаптируется, нежели человек неверующий, потому как церковь поддерживает, а духовный наставник удерживает человека от рецидива. Хотя полностью адаптируется вообще мало кто.

– Необходима ли в ИВС заместительная терапия?

– Конечно, необходима, хотя в тюрьме силы мобилизуются на построение линии защиты по уголовному делу, на выживание, общение с сокамерниками. И перекумарить там легче.

– Как ты думаешь, почему репрессивные меры не способствуют уменьшению рецидива употребления наркотиков?

– Репрессии не создают духовной базы, препятствующей самому рецидиву и, кроме того, любое давление, будь моральный запрет или физическое давление на человека, склонного к употреблению наркотиков, подталкивает его на это потребление. К этому надо причислить проблемы, с которыми он сталкивается при освобождении.

У человека со сложной душевной организацией потребление наркотиков – это метод псевдозащиты от сложностей и неприятия его в окружающем мире, а также от дискриминации, так как он несопоставим с окружающим миром, не может себя сопоставить ему. Такие люди с тонкой и сложной душевной орга-

низацией, пользующиеся псевдозащитой, склонны к употреблению и, когда сталкиваются с несправедливостью и страданиями, они прибегают к наркотикам. Но если эти несогласия исчезнут, то социальная адаптация вполне вероятна для потребителя наркотиков.

– О чем ты мечтал, будучи в колонии? Что-то сбылось?

– Сбывшиеся мечты? Я сумел помочь людям, которым планировал помочь. Освоил компьютер, наладил отношения с девушкой, которую любил до зоны и на которой хотел жениться. Подали заявление в ЗАГС. Не сбылось... Не смог найти работу, потому что не брали. Довольно сложно найти работу бывшим заключенным, тем более по такой редкой специальности, как звукооператор. Не смог обжаловать многочисленные жалобы и приговоры из-за отсутствия средств.

– Через какое время после освобождения ты опять начал употреблять наркотики?

– Употребил через полторы недели после освобождения. Дома до ареста и срока была заначка, я не проявлял к ней интереса до тех пор, пока мне не позвонила моя девушка и не предложила встретиться. Встреча не получилась: я не смог найти адрес, заблудился, а добрые люди не смогли подсказать. У меня ноги больные...

Пришел домой, ноги болят, на душе погано. Тут же вспомнил про заначку. Поставился героином – стало легче. После второго «захода» в заначку испытался возможного рецидива, появления зависимости, и подарил оставшийся героин знакомым наркоманам.

Существующий круг приятелей связан с наркоманией, начались звонки, и я поддался на приглашение старого друга замутить.

Так и начал изредка употреблять. Сыграли роль существующие проблемы, периодические боли и невозможность лечиться из-за отсутствия времени, которое уходило в том числе на решение проблем моей подруги.

Наркоманию искоренить невозможно. Она будет существовать, как болезнь, как порок. Потребителей следует не уничтожать, а помогать им отказаться от наркотиков. В нашем неблагополучном обществе это практически невозможно, т.к. требует больших затрат, а наше государство неспособно на создание программ для наркоманов и заключенных...

Почему я приписываю заключенных? Потому что большинство потребителей сталкивались с законом. Можно учить потребителей с помощью программ Снижения Вреда причинять себе и родным наименьший вред, но на это государство тоже не соглашается.

Репрессивные меры для потребителей наркотиков наркомафия использует с целью получения сверхприбыли. Чем выше риск из-за потребления, тем выше цена на запрещенные вещества.

Алкоголь тоже вызывает не меньшую физическую и психическую зависи-

мость, чем вещества, которые отнесены к наркотическим. Соответственно, алкоголь можно назвать легализованным наркотиком. При этом он дешев и доступен, в отличие от других наркотиков.

Тюрьма для наркомана не панацея. ИВС может остановить начинающего потребителя, но не может остановить того, кто употребляет много лет.

Я вполне уверен, что смогу не употреблять, но в то же время, находясь в ремиссии несколько лет, я могу предположить, что определенное стечение обстоятельств может меня привести к рецидиву. Сложно ответить на вопрос «излечима ли наркомания?». Среди моих знакомых есть такие, кто находится в ремиссии три-четыре года.

– Существует ли, на твой взгляд, контролируемое потребление наркотиков?

– Существует. Я бы хотел научиться контролировать потребление, но в то же время хочу найти стимул, чтобы завязать навсегда...

Прошло полтора месяца. С тех пор у Гриши произошли перемены не в лучшую сторону. Девушка его пропала, так что свадьба не состоялась. Долгое время Григорий практически не мог ходить. На фоне тромбоза воспалились сосуды. Обследование подтвердило необходимость хирургического вмешательства. Операция в платных клиниках стоит дорого, а бесплатной медицине Гриша не доверяет. Денег на лечение нет. Немногие приятели обращаются за помощью «достать героин». Как правило, благодарят не деньгами, а самим веществом. На сегодняшний день Григорий снова является наркозависимым, но употребляет не с той периодичностью, как раньше. Работу Гриша не нашел. Живет на мамину пенсию и на деньги от аренды комнаты, которую мама сдает квартирантам. Свою пенсию Григорий только начал оформлять. Для этого надо пройти все инстанции, но передвигается он с трудом, на костылях. Состояние здоровья плохое. В любой момент может произойти закупорка артерии тромбом, это грозит летальным исходом. Мама Гриши тоже передвигается с трудом.

Юра Д.

«Когда я вспоминаю эту жизнь, я содрогаюсь»

– Как давно ты употребляешь наркотики?

– Я родился в Новокузнецке. Наркотики начал употреблять где-то в 1989 году. Сейчас мне 33 года. Где-то 15 лет я колюсь, правда, в эти 15 лет входят года, проведенные в зоне. У меня пять судимостей. Некоторые по 224 статье – это статья за наркотики, тогда еще была часть за употребление. Некоторые за кражи: деньги на наркотики добывал.

У нас весь город криминальный. Нас было несколько друзей. Мы с помощью силы, краж и рэкета поднимались из нищеты. Хотели отвоевать свое место под солнцем у других крутых ребят. Между собой воевали. Один раз моему другу ногу прострелили, чтоб мы не лезли в авторитеты. Но мы не испугались. А когда стали появляться деньги, появились и наркотики.

Тогда героина не было, я его и сейчас не люблю, тогда «черняшка» была. И тогда ширяться⁴⁸ было круто – это признак силы, авторитета, богатства. Мод-но что ли. Вот и мы начали колоться. Среди нашей тусовки девчонка была, как сестра наша. Помогала нам во всем: мы у нее собирались, когда дрались – она перебинтовывала, лечила нас, от ментов отмазывала – деньги совала или так с операми перетирала, чтоб отпустили. Передачи таскала в ментовку. Я ее любил, мы потом с ней жить стали. Так вот, мы сначала сами ширяться начали, потом ей на день рожденья дозу раствора подарили. Ей понравилось. Подса-дили, короче, ее тоже, сами того не понимая.

Поэтому все наши проблемы с ментами были связаны то с наркотиками, то с разбоями или кражами. Реже с вымогательством. А один раз нескольких пацанов наших в убийстве подозревали и даже продержали в СИЗО где-то три–четыре месяца. Кто-то убил проводников поезда Новокузнецк – Кыр-гызстан, они анашу возили на продажу в наш город, к ним за травой весь го-род ездил. Наши пацаны приехали к ним через десять минут после убийства, и их арестовали. Они не виноваты были.

Наша девчонка свидетелем по делу шла, от нее многое зависело. Вот и оп-равдали их. Много проблем было. Чаще платили ментам и все. Но у нас у каждого потом, когда на систему подсели, много судимостей было, т.к. бабло все уходило на наркоту, ментам нечего было платить.

– В твоей жизни были незаконные обыски, подбрасывание наркоти-ков милиционерами, склонение к сотрудничеству, избиения?

– Конечно. Дом раз десять обыскивали. А личные досмотры.... Как на точку приедешь покупать наркоту, попадешься ментам, сразу досмотр. Если найдут что-нибудь интересное для себя, ну брелок понравится, или кошелек, зажи-галка там, сигареты, то себе без спроса забирают. Могли заставить зимой до-

48 Ширяться – употреблять инъекционные наркотики

гола на улице раздеться, ногами на снегу стоять, пока они одежду проверяют. Пока всю одежду не проверят – стой и мерзни, по кумару знобит и морозит, а тут вообще жить не хочется от холода. Когда колешься, организм-то ослаблен, чуть что – заболел. А болеть нельзя, иначе не встанешь, чтоб денег намотить на наркотики, и никто о тебе не позаботится.

У наркоманов друзей нет. Только приятели, которые с тобой мутят, пока деньги есть. А если у них есть, а у тебя нет и не предвидится, то тебя он не угостит. Еще менты могут деньги себе забрать, и ты останешься на кумаре. Цыгане в долг редко дают, если только ты постоянный клиент. Некоторые менты, кто деньги «в открытую» боится брать, вымогают штраф за то, что оказался в криминальном районе, или за уколы на руках или ногах. Штраф за то, что наркотики нашли. В отдел могут не везти, дело не заводить, а вместо этого денег себе взять.

Когда ментам деньги нужны или раскрываемость преступлений, они тебя поймали, а у тебя ничего криминального нет, то могут запросто наручники нацепить сзади и в карман наркотики положить. И тут же понятых зовут, а понятые – это поселковые жители, которых наркоманы и цыгане уже достали, поперек горла встали. Цыган-то они боятся, а наркоманов ненавидят. И из них замечательные понятые получаются: что хочешь подтвердят, даже если увидят, как мент положил в карман наркотики, все равно подпишут, что у тебя изъяли. Приходится или штраф платить, или по делу идти. И доказывай, что ты не покупал, а они подкинули. Бесполезно. В лучшем случае условный срок дадут. В худшем посадят.

Как-то меня поймали с ангидридом⁴⁹ в шприце, а ханку я не успел купить. Так менты со злости, что кроме кислоты у меня ничего не нашли, воткнули шприц с ангидридом мне в задницу, через штаны, и сделали укол. У меня ожог сильнейший был, кожа слезла. Я сидеть не мог, ходить больно было, лежать на этом боку не мог. А на кумаре все болезни и болячки обостряются, боль невыносимая. Я выл от боли. А они, когда вливали, смеялись между собой.

Менты у нас жестокие. Могут в отдел просто так забрать, постановление за хулиганство выписать, типа, матом ругал прохожих или малую нужду справлял в неполюженном месте, и в отделе на тебе приемы и пытки отрабатывать. Например, книг о пытках начитаются и отрабатывают: «ласточку», «распятие». Током пытаются, провода к ушам подсоединяют и к машинке какой-то, сбоку ручка приделана. За эту ручку крутят, током бить начинает, из глаз искры летят. Когда дубиной по пяткам бьют, почкам хана приходит. Или печень отбивают. Потренируются пару часов, потом отпускают. Если сильно изобьют, и сами видят, что не притворяешься, то могут немного наркотиков дать на раскумарку. Чтoб жаловаться не пошел или побои снимать. Хотя это редко кто делает, ментов боятся, они потом из-под земли достанут, мстить будут.

Работать на себя заставляют: сдавать наркоманов и барыг. Наркоманов – чтоб статистику по раскрываемости пополнять, а барыг – чтоб данью за торговлю облагать. За стукачество платят наркотиками, иногда денег на булочки

49 Ангидрид – кислота, используется для приготовления наркотического раствора

подкидывают, жрать-то хочется. Могут из тебя агента сделать, если реально будешь на них работать: псевдоним агентурный придумывают, зарплату около полутора тысяч платят и плюс с каждой хорошей операции дают ханки. Если влип по уголовке в другом районе – они отмажут. Или если тебя избил цыгане или нарики за стукачество, то могут им устроить штурм. Но потом, когда везде засветишься и тебе никто продавать не станет – город-то маленький, все быстро узнается, опера тебя сами подставят на срок за ненадобностью. Тем более про их махинации агент все знает. Были случаи, когда стукачей находили мертвых в канаве. Ходили слухи, что сами менты избавлялись от тех стукачей, которые про них слишком много знают. Опасное это дело. Но они иногда такими способами заставляют на них работать, что отказаться не можешь.

В общем, наркоманы для ментов – мясо, для общества – изгои, для родных – нелюди, вынесшие из дома все ценности за наркотики. Наркоман – одинокий, больной человек, никому не нужный. Один на один со своими проблемами. Девки на панель идут и тоже долго не живут.

– Состоял ли ты на учете в наркологическом диспансере?

– Да. Думал, поможет, вылечусь. А когда срок давали, следователь запрос в наркологичку послал: состою на учете или нет. Это повлияло на срок, как отягчающее обстоятельство. Могли два года дать, а дали три года из-за учета.

Я знаю, что детокс можно сделать, но он стоит 15 тысяч рублей и не излечивает, а только безболезненно помогает преодолеть кумар. Выходишь из больницы, работать не привык, да и не берут нигде. Те года, когда кололся – вычеркнуты, все изменилось. У не употребляющих товарищей уже семьи, квартиры, карьера, а ты на месте как был, так и остался. Никто с тобой ничего общего не хочет иметь, доверия к тебе нет даже у родных. Если из дома выгнали, а ты нашел деньги и перекумарился, то могут домой пустить, но перед тем, как на работу уйти, будут тебя из дома выставлять на целый день, боясь, что опять что-нибудь из квартиры продашь. И через некоторое время, так и не найдя себе занятие, работу, девушку и веру родных, опять начинаешь колотиться.

Живешь практически на улице: у знакомых в притоне за дозу ночуешь, или подвал оборудуешь. Деньги на детокс найти нереально, а врачи говорят: на ширку деньги находите, значит и на лечение найдете...

Не понимают, что на ширку легче найти: она дешевле, чем лечение за 15 тысяч. Я просил врачей сделать мне чистку, а я бы при больнице бесплатно отработал, или у них на дачах – не согласились. Один раз так муторно стало жить, хоть бери веревку и вешайся. Мать мне так и сказала: «Бери и вешайся, будь хоть раз человеком, избавь меня и себя от мучений». Родная мать сыну смерти пожелала, вот довел я ее! Состояние безвыходное: живу в подвале, мать на порог не пускает, не ел ничего три дня, почти не кололся (дров цы-

ганам нарубил да воду таскал, они мне давали немного ханки и кусок хлеба с кусочком сыра).

Так муторно стало, я как раз около церкви стоял. Смотрю, батюшки подъехали на «Волге». Я подхожу к ним и говорю: «Помогите чем-нибудь!». Рассказываю про себя. А они, чуть приоткрыв окошко в автомобиле, послушали, головами покивали и отвечают: «Ничем не можем помочь». Я говорю: «Возьмите хоть жить при церкви, работать буду, колоться не буду!» Я и не колотся бы, если бы было где жить и имелся бы кусок хлеба. На улице выживать трудно без наркотиков или водки, тем более в подвале. Водку пить я не могу, у меня гепатит С, от одного запаха мутить начинает, а выпью – сразу рвота. Так ничем не помогли мне батюшки. А потом я узнал, что при церкви есть реабилитационный лагерь, где наркоманы живут и работают. Только надо взносы платить по полторы тысячи рублей. Для сравнения – одна доза «ханки» –50 рублей. А у меня денег-то не было даже на хлеб, какие полторы тысячи рублей? Вроде и мелочь, а не взяли батюшки бесплатно. Так я разуверился в церкви и ее служителях.

– Как давно ты состоишь на учете в наркологическом диспансере?

– С 1996 года и до сих пор.

– Тебя не сняли с учета в связи с отменой принудительного лечения в новом законодательстве?

– Нет, не сняли. Они про меня вообще забыли.

– На какой срок ты был осужден?

– В общей сложности, вместе с тюремными арестами до суда, я отсидел где-то лет семь.

– Нарушались ли твои права на свободе из-за употребления наркотиков?

– Постоянно. Те, кто употребляет, для государства не люди, и прав у них не должно быть. Так общество считает.

– Испытывал ли ты дискриминацию в госучреждениях?

– Да. Не просто дискриминацию, а нечеловеческое отношение.

– В каких случаях?

– При трудоустройстве, при отказе мне, как наркоману, в медицинской помощи. Страхового полиса у меня нет, а без него врачи принимают только в исключительных случаях. У меня начинался абсцесс. Я пришел в больницу. Они говорят: «Резать надо. Полис есть?». «Нет, – отвечаю, – нет его у меня». «Тогда, – говорят, – ничем помочь не можем. Делай быстрее и приходи на операцию, а то заражение может пойти, и тогда не только ладонь, а всю руку придется отрезать»...

Естественно, я не смог полис получить: прихожу в поликлинику за ним, а меня посылают на предприятия получать. Я им отвечаю, что не работаю. Честно говорю, что наркотики употребляю, на работу не берут. Они тогда говорят, что выдать полис мне не могут, т.к. выдают только пенсионерам, инвалидам, детям и беременным. Короче, у меня ладонь распухла, размером с футбольный мяч стала, горит вся, терпеть не могу. Сначала ширка помогала. Уколюсь, и боль затихала, а потом и это перестало помогать. Ладонь пульсирует с болью, опухоль к локтю пошла.

Я тогда пошел опять в хирургию, но в другую больницу. И там взяли, а куда им деваться: видят, что еще немного – и руку оттяпать придется. Повели в операционную. На кушетку положили, достали инструменты и собираются резать. Я спрашиваю про наркоз. «Не положено тебе, – отвечают, – Даже местную анестезию не можем сделать». Так и резали на живую. Вычистили, дали отлежаться около часа. Я специально поздно вечером пришел, чтобы прооперировали и там же оставили ночевать. А они, как час прошел, дали пару таблеток анальгина – и до свидания. Говорю: «Оставьте на кушетке до утра, мне некуда идти». Медсестра ни в какую не соглашается. Мест нет, а в коридоре нельзя. Я к хирургу пошел, рассказал про себя, про свое положение. Хороший мужик попался, до утра оставил и велел каши мне дать. Но в основном отношение скотское.

Я как-то настролял на булочку мелочь по 10–50 копеек у прохожих. Подхожу к продавщице в хлебный отдел, высыпаю на блюдце деньги и прошу продать французский батон за шесть рублей. У нас в определенное время их завозят еще теплые, очень вкусные и хрустящие. А продавщица говорит: «Мелочевку не принимаем». Я говорю: «Какая разница, какие деньги?». А она блюдце с силой как двинула в мою сторону, и гаркнула: «Не буду принимать, давай нормальные деньги!». И отвернулась. Половина мелочи на пол скатилась, под прилавок и по всему отделу. Я пока ползал, собирал, убить ее хотел. Собрал, а рубля не хватает, к ней под прилавок закатилось. До слез обидно. Я хоть и пацан, а глаза защипало от слез. Я, чтоб ей не показать, голову пригнул и говорю: «Посмотрите, к вам закатились деньги». Она вниз глянула, небрежно туфлей наступила на полтинник и шаркнула ногой. Второй полтинник так и не нашелся. Я подошел к бабуле какой-то в другом отделе и попросил батон купить: думаю, пока бегая, прошу, они остынут совсем. Бабуля добрая попала, согласилась купить, свои 50 копеек добавила. Та продавщица ей продала. Бабуля мне батон отдает, и еще глазированных сырков три штуки дала. И говорит: «Помоги, сынок, до дома сумку донести. Я картошечки хочу еще купить, да боюсь, не донесу». Я, конечно, согласился. Донес ей до квартиры, а она мне булочку вынесла и молока налила в пластиковую бутылку. Вот как бывает.

– То есть ты испытывал на себе негативное отношение общества?

– Конечно. Правда, попадались иногда человеческие люди, как эта бабуля.

Я в предпоследнюю судимость сам на срок пошел. Сил не было так жить. Колотья уже не мог и не хотел. Одно мучение: вен нет, часто под кожу раствор задувал, конечности гнить стали, абсцессов много. Жить бездомно и впроголодь тоже не мог. Пришел к школьному приятелю, он меня покормил, а я у него золото подрезал⁵⁰, побрякушки его матери. Он в милицию не хотел заявлять, а мать написала на меня заяву. А я сказал ему, где обитаю. Специально сказал. Через день меня арестовали. Я только кольцо променял на ханку у цыган, а остальное не стал трогать. На суде ему правду сказал. Он просил у судьи, чтоб меня не сажали. Но судья вlepил мне два с половиной года.

Впервые я был рад сроку. Думал, хоть перекумарюсь, буду сыт, умыт, спать в чистой постели. Пока сидел, с матушкой помирился. Вышел из зоны и опять заторчал: ни работы, ни семьи, ни друзей. Сорвался. Вот почему так происходит? В зоне тяги к наркотикам не было, психически уравновешен был, физически не ломало. Почему сорвался?

– Проходил ли ты курс лечения от наркомании?

– Проходил, и не раз. Только толку никакого. Капельницу ставили, витамины, снотворное, антидепрессанты давали. Ломка ощущалась, боль не проходила. Несколько раз мне «Сульфазин» и «Галоперидол» давали, но от них так крепко скручивает, что жить не хочется. Температура подскакивает, кости ломит сильнее, мышцы выворачивает наизнанку. Головные боли сильнейшие. Никогда такое лечение не помогало.

– Ты будешь употреблять наркотики после освобождения?

– Мне кажется, что да. Ведь отношение к наркоманам не изменилось. Социальных программ для наркоманов мало. Вот в Питере, я читал, даже шприцы выдают новые. А у нас? Никогда такого не будет. В Голландии лечебные наркотики (Имеются в виду опиоидные препараты, заместительная терапия) дают. Там понимают, что человек ничего поделает в этой напастью один не сможет. Все ему помогают. Там наркологи все грамотные, изучили проблему. В нашей стране ничего не изменится, пока отношение не поменяется, новые методы лечения не придумают – ведь болезнь-то считается неизлечимой. Как кололись люди, так и будут колоться. Это только на руку наркодельцам и полиции.

– С какими трудностями ты можешь столкнуться после освобождения?

– Трудоустройство, семья, жилищные проблемы – родные могут выписать через суд, ты для них тоже перестаешь быть человеком. Проблемы со стороны служб здравоохранения, со стороны социальных служб, со стороны общества в целом... Меня пока не выписали из квартиры. На работу не примут, долго устраиваться буду: профессии, можно считать, нет. ПТУ кончал, опыта работы не имею. С матушкой в мире сейчас, но она мне не доверяет. Ждет, когда колотья начну. Медицинской страховки нет, не давали, когда на воле был. Значит, 50 Подрезать – украсть

лечения мне не будет, окажут, когда загибаться начну. Какие еще трудности нужны, чтоб сорваться?

– Что лично тебе необходимо для того, чтобы перестать употреблять наркотики?

– Устроиться на работу. Я хочу научиться деньги зарабатывать и правильно тратить: на еду, одежду, сотовый телефон мечтаю купить, квартплату платить. Девушка чтобы появилась, семью создать, ребенка воспитывать. Хочу вернуть доверие родных и соседей.

Надо открыть такие службы, чтобы человек, почувствовав, что может сорваться, мог прийти туда и поделиться проблемой. И, возможно, это его сможет спасти от необдуманного шага. Чтобы лечение было такое, как в Англии: раз не может человек без наркотиков жить, так не надо ему на дно опускаться. Надо продавать медицинские опиаты, например, «Метадон», он дешевый. Человек воровать не будет, не отравится и не умрет от передозировки, будет колотиться только своим шприцем, значит, заражений вирусами не будет. А еще лучше, чтобы медицинские наркотики были в таблетках или в сиропе. В тюрьму сажать надо продавцов, тех, кто деньги с этого имеет. Мне для нормальной жизни не так много надо, достаточно нормального отношения и условий, как в Европе. Чем моя страна хуже?

– Какой ты видишь свою жизнь после освобождения?

– Не связанной с наркотиками. Я устал от них. Устал от такой жизни – нищей, унижительной, беспросветной и одичалой. Устал быть загнанным зверем для ментов. Устал от подозрений родственников. Устал просить подаяние на прокорм у матери. Стыдно, что ничего не добился в жизни. Хочу карьеру сделать, завести детей. Поездить по миру, купить машину и квартиру. Хочу жить нормально, как все.

– Расскажи про самый жестокий случай обращения с тобой.

– Один раз менты меня забрали в отдел, оформили по хулиганке, матом как будто ругался, и оставили на ночь. А ночью вывели из камеры, завели в кабинет и давай лупасить. Заставили штаны снять и грозились изнасиловать, только вместо члена бутылкой трахнуть. Потом, правда, велели штаны надеть. А когда «ласточку» делать стали, я не выдержал и обмочился в портки. Так они заставили меня снять рубашку и подтереть ею пол. А потом заставили эту рубашку надеть и ходить в ней. Били дубинкой по рукам. Утром я домой пришел (еще дома жил), ключ не мог достать из кармана, до такой степени пальцы распухли. Соседка решила помочь дверь открыть, пока открывала, лицо отворачивала: от рубашки-то и портков пахло мочой.

Я когда вспоминаю ту жизнь, содрогаюсь. Хоть в данный момент моя жизнь мало изменилась, но я не ночую в подвалах, не подрабатываю у цыган за дозу и краюху хлеба. Нужно менять отношение людей и наркологию. Создавать

специальные центры, где могли бы жить наркоманы, находящиеся в ремиссии, пока не поймут, что готовы к самостоятельной жизни. Надо дать наркоманам возможность обучаться, они же всю жизнь убивают на торч, и ничего не умеют, кроме как уколы делать. Нам бы всем поступить медучилище! Шутка. Надо копаться в себе, пусть это больно, надо вытягивать все, даже если это вытягивается с кровью. Зато есть возможность стать сильнее.

P.S. от автора:

Младший брат Юры, Володя, начал употреблять наркотики. Братя рано остались без отца.

Матери пришлось работать на трех работах. Юра все больше пропадал на улице, там же получил воспитание и впервые узнал запах легких денег. Промышлял воровством, чтобы купить спортивный костюм, кроссовки, сводить девчонку в кино.

В 1980-х годах среди молодежи стало модно употреблять наркотики. В те годы это считалось признаком благосостояния. Юра попал в эту волну. Деньги доставались относительно легко, но с риском: квартирными и карманными кражами, мелким рэкетом, иногда мошенничеством. Тратились с такой же легкостью: на «кайф», дорогие сигареты, такси, рестораны. В то время мак можно было найти в деревенских огородах. Платили бабушкам продуктами или небольшими суммами денег, и вырезали огородные плантации. Кололись ребята только «по сезону»⁵¹, зимой употребляли алкоголь. Ломки проходили не так болезненно. Пару – тройку лет Юра употреблял без особого вреда для здоровья и психики. Когда продажа «черняшки» и «маковой соломы» стала более распространенной, Юра серьезно подсел на дозу.

Тогда пошли первые судимости. Острая боль подгоняла на добычу денег, преступления совершались спонтанно. Когда Юра понял, что надо подвизывать, было поздно. Ни один нарколог не смог помочь. Теперь младший брат, которого Юра воспитывал, встал на ту же героиновую дорогу.

Что его ждет впереди?

51 «Сезон» – время года, когда вырастает и отцветает мак: с июля до сентября – начала октября

Екатерина Лавринович Дело заключенной

Катя родилась в 1971 году. Детство у девочки было хорошим, как считают те люди, для которых материальные ценности семьи выше, чем духовный мир.

Родители считали, что квартира на Фрунзенской набережной, отец-адвокат, школа с углубленным изучением французского языка – это те жизненно важные компоненты, с помощью которых можно уберечь ребенка от негативного влияния улицы.

Екатерина увлекалась конным спортом, писала стихи и изучала психологию. Вышла замуж, в 1990 году родила дочь. Семейные отношения не сложились. Катя встретила другого мужчину, он оказался наркозависимым. Попытки понять любимого ни к чему не привели, как и борьба с наркотиками. Катя решила принять его образ жизни.

Работу Катя не бросала, будучи профессиональным риэлтером, зарабатывала неплохие деньги. Через некоторое время молодого человека посадили. Она продолжала употреблять героин, старалась не рисковать, имела постоянного дилера.

Сердобольная Катя не могла отказать знакомым наркоманам в просьбе «помочь взять».

В один из таких моментов она была арестована: купила героин (0, 12 г) для знакомого. Купюры оказались мечеными.

При аресте у Кати нашли еще два чека, купленные для себя. Суд посчитал приобретение всех трех доз приобретением для дальнейшего сбыта, так как факт передачи денег видели оперативные сотрудники. Получалось, что Катя, не торговавшая героином, оказалась сбытчицей.

Катя получила 7 лет общего режима. Дочь осталась сиротой при живой матери.

После вступления в законную силу поправок ст. 228 УК РФ суд не учел, что изъятое наркотическое вещество с 08.12.2003 перестало считаться особо крупным размером.

Подруга Екатерины, обвиненная по этому же делу, отстояла свое право, написав заявление на пересмотр приговора по новому законодательству, и была освобождена несколько месяцев назад.

Катя продолжает отбывать несправедливый срок.

Анастасия Кузина Тюрьма и доза

На протяжении последних шести лет в России пресекается около 200.000 наркопреступлений в год. Что это за преступления, не всегда расшифровывается. Многие граждане убеждены, что всякий наркоман продает наркотики. Значит, он должен сидеть в тюрьме. А тюрьма — то самое место, которое может излечить наркоманию: изоляция, самоанализ, работа с психологами... На самом деле количество настоящих барыг, по сравнению с общим числом наркопреступлений, не очень велико: в начале 90-х их были просто единицы, да и сегодня это соотношение приближается к трети.

«У каждого в зоне свои проблемы, я, например, гнил...»

Александру Г. 31 год. Он — полинаркоман. С точки зрения обывателя, элемент, безусловно, враждебный, но, по сути — глубоко больной человек, не умеющий жить без наркотиков или алкоголя. Александр — человек мирный, и за 15 лет «употребления» ни разу не совершил противоправного поступка, чтобы достать деньги или наркотик. Так бы он и прожил относительно спокойно отпущенный ему век, если бы его не задержали в тот момент, когда он по просьбе засланной милиционерами барышни покупал для нее дозу — полграмма героина. Прибыли с этого он изначально не получал никакой: Александр не продавал свой наркотик и не покупал его для себя. Но все равно был осужден на семь лет лагерей, пополнив тем самым статистику «матерых барыг». Впоследствии статья была переквалифицирована на «хранение». На статистике это уже никак не отразилось...

На май 2004 г. за незаконный оборот наркотиков отбывали заключение 65 тыс. человек. Из них 25 тыс. человек осуждены за сбыт. Остальные — рядовые потребители.

«Изначально я сел за распространение наркотиков на семь лет строгого режима. И когда уже сидел в лагере, мои родные с адвокатом напряглись и стали меня вытаскивать. Послали в Верховный суд надзорную жалобу, и мне перебили на «хранение» — два года общего режима. В принципе, столько и суд мог дать. К тому времени я уже отсидел два года строгого режима, и меня освободили.

Когда я только две недели пробыл в лагере, мы как-то сидели, пили чай, знакомились. И разговорились с одним человеком. Я говорю: «Вот, у меня семь лет за полграмма героина». «А я, — говорит, — человека убил. Четыре года дали...» Каково мне было это слышать, когда я просто из-за своей вредной привычки получил семь?!

Когда вышли поправки, увеличивающие размер запрещенных доз, я сидел в лагере. Такая была суматоха в зоне! Нас собирали даже на плацу, специально

читали эти поправки, и администрация сказала нам: ребята, пишите ходатайства в местный суд. Этот отряд — в такой день, этот — в следующий. Пытались нас как-то организовать, потому что все поломилось на волю. Очень много народу потом освободилось.

Сначала я сидел в двух тюрьмах в Москве, потом поехал по этапу в Ржев, затем — в Тверь и в Андринополь, уже в лагерь. В Москве сидеть прекрасно, хотя, конечно, бытовые условия очень плохие. На койку было по два человека, по очереди спали. Но человек же не спит 24 часа, вполне и ты высыпаешься, и другому бедолаге место даешь. Просто есть одно выражение, называется «людское» — это нормальное отношение друг к другу. Ты живешь в тюрьме тем, кем жил на воле. По сравнению с другими тюрьмами, это был рай. Там многие сидели за наркотики.

Из-за стресса, когда ты понимаешь, что проведешь здесь как минимум семь лет, поначалу о наркотиках и не думаешь. Но, естественно, когда приживаешься, уже думаешь, как бы расслабиться. Тогда варишь самогон. Мы его гнали из сахара и хлеба, при помощи ведра, тарелки, кипяточника и пленки. Очень вкусный был, кстати... Ну и героин была возможность достать. Говорят, продает администрация тюрьмы. При мне такого не было. У администрации мы единственно иногда покупали спирт. А наркотиков очень много попадает через посылки. Одно время в тюрьме на Пресне даже запретили тюбики с зубной пастой передавать, можно было только в тюремном магазине покупать. В посылках передают и героин, и оплаченные сим-карты для телефонов, долларов на сто.

И есть такая вещь, как «вольная дорога». Есть «большая дорога» — между тюремными корпусами. Из окна в окно выстреливается веревка, и по ней передают письма — «малявы» и все что угодно. Даже бутылки с самогом ездят.

А «вольная», это та же самая веревка — долго-долго мы ее плели с мужиками — только она должна попасть уже на волю. Сначала делается стрела из дерева, еще нужны трубка и резина. Стрела выстреливается с этой веревкой в определенное место за территорию тюрьмы, куда заранее приезжает человек. Не секрет, что в каждой камере есть мобильные телефоны и по десять-двадцать сим-карт, у каждого своя. Берешь трубу на часик и говоришь с домом. Или договариваешься, тебе привозят тот же героин.

За забором груз привязывается к стреле и затягивается руками обратно. Тут уж, что называется, любой каприз — все, что в решетку пролезет. А их мы разгбали — и ломы были у нас, и фомки — трехлитровая банка пройдет. Вот только со шприцами очень плохо. Есть же такая вещь, как шмон. Раз в неделю в камеру залетают человек десять в масках, всех лупят, выгоняют из камеры и все обыскивают — баулы, матрасы. При этом обычно находят пару мобильных телефонов. Которые, кстати, мы потом покупали у той же администрации. Они их находили, а потом приходят через два часа: 500 рублей за мобильный телефон — выкупай! Платишь, конечно.

Находили и шприцы. Этот дефицит прямо на вес золота. Их в тюрьме достать очень тяжело. Первая посылка «вольной дорогой», я помню, была такая: блок «Мальборо», кипятильник и литровая кружка. Но, как только я заикнулся о том, что «баяны» надо кипятить, смотрящий мне это отсоветовал. Не навязывай, говорит, здесь никто не кипятит. Такими мелочами ты можешь подчеркнуть свое негативное отношение к человеку. Но я сидел с «вичевыми», так что это роли уже не играло. Причем мой срок был самый маленький. Представь, человеку 18 лет, у него ВИЧ, а ему сидеть 22 года. И вот он сидит, плачет: «Я в тюрьме умру...». И тут я со своим кипячением...

А людей, которые действительно торговали килограммами героина, я в тюрьме не встречал. Их только показывают по телевизору. Но чтобы они сидели, я не видел...

После Москвы повезли нас в Ржев. Да, вот там мы горя хапнули. Это тебе не Москва, где ты сидишь, как дома. Мы еще когда ехали по этапу, нам мусора жути нагнали. Приехали мы в Ржев уже напуганные, ждем, когда же нас бить начнут. Думал — скорей бы избили, и спать лечь. Привезли нас, на улице снег, конец зимы, а в камере — лужи! Ямы в полу и лужи. И туман стоит. А «хата» транзитная, постельное белье нам не дали, мы спали на телогрейках, на том, что там было в баулах. У меня телогрейка была: на нее посильнее нажмешь — вода текла. И так мы дней десять пробыли. Это был ад... Нас спасали только шуточки-прибауточки, юмором спасались, смеялись над тем, что происходит. Если бы это продолжалось месяц, я бы там с ума сошел.

И еще — режим. В Москве такого понятия, как «отбой», изначально не может быть, потому что камера рассчитана на 22 человека — 22 «шконки», а в ней живет 60. Ну какой отбой, если люди на ногах вынуждены стоять? Просто некуда лечь. Поэтому режима в тюрьмах московских нет, они все переполнены.

А в Ржеве в 10 часов вечера по радио: «Отбой!», и выключают электричество. Темнота, весь в лужах, мокрый, ни чаю сварить, ни согреться.

И гимн Советского Союза: ту-туту-ту-туту...

Восемь утра открываются двери: «Встать!» Всех выгоняют, сажают на карачки, и сидишь, руки за головой. А это проверка, тебя считают. Потом загоняют обратно, и часа через два — опять шмон. И так вот почти две недели. Я думал: Господи, неужели так и дальше будет? Штурм такой психологический. И ты уже видишь в себе грань: еще немного — и все, сломаешься...

А отбывать наказание я должен был уже в Андриаполе. По 97-й статье УК РФ — принудительное наркологическое лечение — я попал в «наркозону» для наркоманов. Это называлось ЛИУ — лечебно-исправительное учреждение. Сейчас статью отменили. Да, по идее, меня там лечили. Выглядело это так: тебя привозят на зону и отправляют на месяц в карантин. Потом кладут на месяц в стационар на территории лагеря, и там ты проходишь «схему»: дают какую-то таблетку и витамины. На этом лечение заканчивается, и начинается трудотерапия, все семь лет. Я работал на мебельном производстве, и мне даже

платили зарплату — 18 рублей в месяц.

Крепче чифиря в лагере не было вообще ничего. Там есть такая вещь, как СДП – секция дисциплины и порядка. Те же зэки, как ты, только они на тебя стучат. Не дай Бог, ты там чего-то ляпнул. Все, идешь в изолятор моментально. Со здоровьем плохо было. Я гнил. У каждого свои проблемы, но в основном люди гниют. Не знаю почему. Наверное, от постоянной влажности. У меня гнили ноги, они и сейчас черные по колено. И зубов не осталось, передние выпали все, вставляю.

Юрий Канибер

Наркоситуация в учреждениях исполнения уголовных наказаний

Возможности исправительных учреждений по обеспечению лечения наркоманов

Непосредственно лечение проводится амбулаторно-медицинской частью колонии, а в спецлечебных ИУ, предназначенных для содержания и лечения осужденных-наркоманов, наркомания лечится амбулаторно. В большинстве субъектов федерации, где отсутствуют спецучреждения для лечения наркомании, лечение наркозависимости производится на базе медчасти при исправительном учреждении. Возможности учреждений по исполнению наказаний в обеспечении полноценного лечения от наркомании следует оценить как очень низкие. Прежде всего, это объясняется принудительным характером лечения. Это во многом сводит результаты лечения к минимальному эффекту. Методики лечения далеки от совершенства и современных форм. Эффективность крайне низкая. По оценкам специалистов, рецидив наркомании после освобождения из мест лишения свободы – около 95%.

Как известно, первые негативные последствия наркотической зависимости проявляются и в период нахождения в ИВС и следственных изоляторах, где эта проблема даже обостряется и может принять затяжной характер. Именно эти учреждения вынуждены первыми предпринимать неотложные противонаркотические лечебные мероприятия.

Неудовлетворительно выглядит ситуация с обеспечением исправительных учреждений штатными психиатрами-наркологами, медицинским оборудованием, специализированными участками медицинских частей, специальными медицинскими препаратами. Только в одном учреждении из девяти имеется лечебный стационар (11%). В сочетании с другими негативными обстоятельствами, такими как отсутствие современных методик, недостаток квалификации медперсонала и другими, причина высокого рецидива наркомании очевидна.

Распространение наркотиков в учреждениях по исполнению наказаний

Проведенный нами опрос выявил факты наличия наркотиков в местах лишения свободы. Опрошенные осуждённые на вопрос:

«Насколько трудно осужденному приобрести наркотики в исправительном учреждении?» ответили следующим образом:

трудно — 57%;

легко — 7%;

затруднились ответить — 36%.

На вопрос «Встречались ли Вы в исправительном учреждении с продавцами наркотиков?» ответили:

да — 12,7%;

нет — 76,2%.

На вопрос «Попадали ли Вы в ситуацию, когда в Вашем присутствии в исправительном учреждении употреблялись наркотики?»

ответили:

да — 22%;

нет — 70 %.

На вопрос «Среди Ваших знакомых в ИУ есть люди, которые употребляют наркотики?»

ответили:

да — 76%;

нет — 12%.

В качестве продавцов или поставщиков были названы

другие осуждённые (10%); друзья, близкие, знакомые (5,5%).

Разброс цен на наркотики в местах лишения свободы оказался существенным.

Это говорит о том, что в своей массе осужденные не осведомлены о ценах на наркотики. Это информация имеет скрытное, ограниченное распространение.

Изъятие наркотиков

Об устойчивости тенденций распространения наркотиков в учреждениях уголовно-исполнительной системы свидетельствуют приведенные ниже данные. В исправительных колониях изъято наркотических средств и сильнодействующих веществ (в граммах):

1996 г. — 125215

1997 г. — 75600

1998 г. — 92400

1999 г. — 110550

2000 г. — 101600

2001 г. — 98300

В следственных изоляторах и тюрьмах указанный показатель составил:

1993 г. — 255311

1994 г. — 180047

1995 г. — 194667

1996 г. — 153374

1997 г. — 258210

в воспитательных колониях:

1996 г. — 1167,2

1997 г. — 1019,0

1998 г. — 1230

1999 г. — 1850

2000 г. — 1720

2001 г. — 1570

Употребление наркотиков

производные конопли — 60%

опиаты — 20%

химические одурманивающие вещества — 15%

иные наркотики — 5%.

Широко распространено употребление жидкостей наркотического действия, например, цифирь (50 г листового чая на 200–300 г воды).

Наркотики, как правило, изымаются в малых количествах (в 66,6% случаев от 0,2 до 10 г). Наиболее распространённые способы употребления наркотиков — ингаляционный (курение или вдыхание) для наркогенов растительного происхождения и летучих растворителей, и/или перорально (через ротовую полость) для психостимуляторов и галлюциногенов. Эти способы обеспечивают скрытность употребления, отсутствие специальных приспособлений. Инъекционное употребление — большая редкость, так как шприцы в условиях изоляции достать трудно. Отсюда многократное использование шприцев несколькими людьми.

Очень резко уменьшилось число людей, приобщившихся к потреблению наркотиков в местах лишения свободы.

Если в 1990 году почти каждый пятый опрошенный (20,6%) указал, что принимал наркотики в МЛС, (в 70-е годы — 85%), то в нашей выборке на этот вопрос утвердительно ответили менее 2%.

Доставка наркотиков в ИУ

48% наркотиков изымается во время доставки родственниками осуждённых-наркоманов, прибывшими на длительное свидание;

25% — в посылках, поступающих осуждённым-наркоманам;

13% — при попытках перебросить наркотики через забор осуждённым-

наркоманам,
доставка осуждёнными на бесконвойном содержании и провозы служебным транспортом.

Осуждённые-наркоманы, а также изготовители и сбытчики наркотиков постоянно стремятся путём подкупа и шантажа склонить отдельных сотрудников к преступной деятельности. В противозаконную деятельность вовлекаются лица из числа начальствующего (16,6%) и вольнонаемного (41,7%) состава. Среди них 50% проходили службу или работали в ИК до года; 16,6 % — до 2 лет;

Имели возраст

58,3 % — от 22 до 24 лет,

33,3 % — от 25 до 32 лет,

8,4 % — от 33 до 55 лет.

Факторы, способствующие распространению наркотиков в учреждениях по исполнению наказаний

Основным фактором, способствующим распространению наркотиков в местах лишения свободы, является недостаточная профессиональная подготовка сотрудников оперативных подразделений учреждений. Оперативные аппараты в основном прилагают усилия к выявлению и изобличению осуждённых, хранящих и потребляющих наркотики, не выявляя источники доставки наркотиков в исправительные учреждения. Для выявления наркотиков редко используются служебные собаки (при досмотре посылок, передач, бандеролей, при личном обыске осуждённых и при осмотре транспортных средств, при производстве обысков на территории жилой и производственной зон). Причиной распространения наркотиков в местах лишения свободы является безответственное отношение родственников осуждённых к запретам в отношении передач и посылок с наркотиками. В отдельных случаях имеет место целенаправленная работа преступных групп по распространению наркотиков в колониях. Но колонии в качестве рынка сбыта наркотических средств не представляют особого интереса для преступных сообществ из-за высокого риска. Рост наркомании в исправительных учреждениях обуславливает нелегальный оборот крупных денежных сумм, являющихся средством подкупа сотрудников и других лиц, создания организованных преступных групп, как в самих учреждениях, исполняющих наказания, так и вне их.

Лев Левинсон

Ничего не изменится, если все не изменить

Будто липкую, бугорчатую стену проломили, и по смрадной зале прошла волна свежести – таково впечатление от уголовной реформы, воплощенной законом от 8 декабря 2003 года⁵².

Закон появился тогда, когда катком утрамбовывались проклюнувшиеся в начале 90-х слабomощные права и свободы, когда повелось говорить о «реванше» и «реакции».

И вот решительный жест гуманизации.

Хотя прокурорские, милицейские, думские толкутся, спеша залатать образовавшиеся в карательной системе бреши, кирпичи валяются у них из рук. Измененный УК действует второй год – без неоднократности, без повышенной ответственности за рецидив, без конфискации. И хулиганство считается теперь преступлением, только если оно совершено с оружием или предметами, используемыми в качестве оружия.

В уголовном законе проступили ювенальные начала. Лишение свободы не избирается подростку, не достигшему 16 лет, за впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести. При назначении же несовершеннолетнему наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, низший предел санкции соответствующей статьи сокращается наполовину. То есть там, где значится от 3 до 8 лет, например, за разбой, «вилка» для несовершеннолетнего составляет от 1,5 до 8. Суд может теперь повторно принять решение об условном осуждении и установлении нового испытательного срока, если несовершеннолетний в течение испытательного срока по предыдущей судимости вновь привлечен за преступление, не являющееся особо тяжким. Население малолеток пополнялось ранее в основном за счет нарушителей испытательного срока, получавших людоедские приговоры не из-за общественной опасности совершенного, а благодаря арифметике – сложению наказаний. А условно-досрочное освобождение подростков, осужденных за тяжкие преступления, возможно теперь по отбытии 1/3 срока, а не половины, как прежде.

Пересмотр антинаркотических статей затрагивает, в основном, содержащихся не в воспитательных, а уже во взрослых колониях, двадцати-двадцатичетырехлетних. Но это самые молодежные статьи. И это самые удивительные изменения из декабрьского пакета 2003 года, так как проведены они были вопреки неослабевающей антинаркотической гонке, вопреки усилению «борьбы» и созданию наркополицей.

Одной из основных проблем УК в его прежней, действовавшей до 12 мая 2004 года редакции, было определение количества обнаруженных наркоти-

⁵² В настоящее время законодательство изменено: убрано понятие «разовая доза», вместо него определены крупный и особо крупный размеры наркотиков; они гораздо меньше десяти разовых доз

ков: что считать небольшим, крупным, особо крупным размером? На практике следователи и судьи водили пальцем по весьма сомнительному как в части юридических, так и научных достоинств документу – «Сводной таблице заключений Постоянного комитета по контролю наркотиков», возглавляемого академиком Э. А. Бабаяном. Таблица представляла собой рекомендательный документ, принятый экспертным органом, не полномочным издавать нормативные акты. Между тем, данные из таблицы применялись по всем без исключения уголовным делам, а это к маю 2004 года – более 850 тысяч привлеченных к ответственности. Например, по марихуане крупным размером, согласно таблице, было 0,1 г, по героину – 0,005 г. При таком подходе и за невидимые 0,005 г и за 100 кг героина наступала равная ответственность – от 7 до 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой. В результате в массовом порядке подвергались изоляции люди, приобретшие, хранившие или продавшие/передавшие сотые доли грамма, – мелкая рыбешка, планктон, – тогда как «акулы наркобизнеса» гуляли в открытом море.

Молодые люди, принимавшие наркотики, получали клеймо преступников, тюрьму, поломанные судьбы. Попадаясь первый раз несовершеннолетними, они наказывались условно, а будучи задержанными вторично, после 18 лет, садились уже надолго. Отсидевшие за наркотики попадали в замкнутый круг. Ведь если бы их не коснулось преследование (судимость, тюрьма), – наркотик, скорее всего, ушел бы из их жизни с взрослением, семьей, работой или, даже не исчезнув совсем, занял бы безобидное контролируемое место. Отсиженные же годы концентрируют их сознание на запрещенном веществе. Даже если зеки обречены на вынужденное воздержание (хотя в СИЗО и во многих колониях наркотики оборачиваются свободно), – это не стойкая ремиссия, переходящая в осознанное выздоровление, а ничем не заполненная пауза томительного ожидания. Освобождаясь, они хватаются за иглу по принципу «вымытая свинья идет валяться в грязи», и не потому, что, употребляя когда-то наркотики, обречены оставаться свиньями, а потому, что их тяжело и бесполезно мыли, стирая с них защитные слои.

Теперь, после изменения УК и КоАП, порядок определения размеров наркотических средств, обнаруженных в незаконном обороте, закреплен законодательно. Крупным размером признается количество, превышающее размеры средней разовой дозы потребления в 10 и более раз, особо крупным – в 50 и более раз. Незаконные приобретение, хранение, изготовление, переработка, перевозка запрещенных веществ в количестве менее 10 доз признаны не уголовным преступлением, а административным проступком, и наказываются штрафом от 500 до 1000 рублей либо административным арестом на срок до 15 суток.

Постановление Правительства РФ от 6 мая 2004 года N 231, которым для целей УК утверждены размеры средних разовых доз, знаменовало успех реформы – ведь мало было ввести разумные критерии, следовало еще сохранить верность законодательному замыслу на уровне подзаконных актов, в

противном случае произошла бы подмена. Вместо предлагавшихся академиком Бабаяном и продвигавшихся наркоконтролем фиктивных размеров (доза героина – 0,0001 г, доза марихуаны – 0,15 г) были приняты реалистичные уличные количества: 2 г для марихуаны, 0,5 г для гашиша, 0,1 г для героина. Соответственно уголовное дело не может быть возбуждено при обнаружении менее 20 г высушенной марихуаны или грамма героина.

Кроме того, отменено принудительное, по приговору суда, лечение в колониях от алкоголизма и наркомании. Эта мера уголовно-медицинского принуждения была абсолютно бесполезна и работала, по сути, только как препятствие замене наказания более мягким, применению УДО, амнистии. Принудительное лечение, имевшее отдаленное отношение к защите здоровья, было ничем иным, как дополнительным наказанием.

Поскольку уголовный закон, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение осужденного, имеет обратную силу, с 12 мая 2004 года (даты вступления в силу новой редакции статьи 228 УК) подверглись пересмотру десятки тысяч уголовных дел по наркотикам. Из находившихся в неволе более 12 тысяч были полностью освобождены от наказания, а примерно 30 тысячам заключенных срок был существенно сокращен.

Всего год назад лишение свободы было единственным рецептом, который выписывало государство. Теперь тюрьма для наркомана – средство, скорее, исключительное, чем дежурное, как ни протестуют против такого положения сторонники решительных мер. Все вроде бы не так уж жестко: арестовывают за наркотики меньше, за стакан конопки, кроме случаев ее продажи, можно отделаться легким испугом, десятки тысяч освобождены.

И сразу же – всплеск передозировок и смертности, как химическая реакция улицы (притонов, подъездов, подвалов, подворотен) на впрыскивание наркоманов.

Существует мнение, что передозировки могли быть частично спровоцированы (в том числе и теми, для кого важно сослаться затем на ухудшение ситуации после майского постановления о дозах). На наркоманских форумах появилась легенда о «белом китайце»: «До сих пор доподлинно неизвестно, что же это такое. Ходят слухи, что это фентанил или один из его производных, кто-то говорит, что это принципиально новый синтетический опиат. Тем не менее, одно известно точно: он снова появился на улицах...» Однако врачи склонны видеть в большинстве случаев не фентаниловые, а типичные героиновые передозировки.

Как бы то ни было, очевидно, что недостаточно одного лишь сокращения уголовной репрессии. Что же делать?

Пусть на слом существующие официальные наркологические службы? Безусловно. И для этого необходим отказ от устаревшей и вредной учетно-диспансерной модели, единственным делом которой является ведение регистрационных карточек на наркоманов. Взамен же – развитие реабилитационного пространства, терапевтическая свобода.

Необходимо ли иное предложение человеку молодому и ищущему? Наверное, необходимо. Неуверенный ответ объясняется здесь тем, что позитивное воздействие на ситуацию вряд ли возможно без социокультурного сдвига, пока трудноосуществимого, без оживления нравственных начал, столь неуместных при рыночных отношениях.

Увы, дело обстоит так, что как бы и нет шанса продвинуться дальше, чем переустройство полицейской или наркологической систем. Тем более что об обновлении второй приходится только мечтать, а первая, невзирая на добрые законы и либеральные постановления, продолжает двигаться по накатанной колее. Отношения личности и государства во всех случаях их столкновения по поводу немедицинского употребления запрещенных психоактивных веществ по-прежнему определяются репрессивной инерцией.

Но есть фундаментальный вопрос, без ответа на который новая наркология, новая наркополиция будет строиться на песке. Действительно ли враг чрезвычайно опасен? Действительно ли мировая война, объявленная ему лет сто назад и ведущаяся последние полвека миллионными армиями, с миллиардными затратами, стоит затрачиваемых усилий? Содержат ли некоторые вещества имманентное зло или же оно есть следствие войны и запрета?

Отвечая на эти вопросы, можно прийти к выводу, что любая наркополитика напрасна, потому что в основе, действительно, зыбучий песок.

По данным Госкомстата России за 2002 год на профилактическом учете в связи с употреблением наркотических веществ с вредными последствиями состояло в расчете на 100 тысяч человек населения соответствующего возраста около 142 детей и подростков, а в связи с употреблением алкоголя – 889, то есть почти каждый сотый. Разрыв между этими показателями, увеличивавшийся все последние годы (в 2001 году – 188 наркоманов и 863 алкоголика), еще более увеличился в 2003–2004 гг.

Разница в этих цифрах очевидна. Если же рассмотреть, из чего они складываются, масштабы явлений окажутся и вовсе несопоставимыми. Потому что любой зафиксированный властями подросток, куривший траву, или застигнутый в клубе под танцевальными таблетками, или сдавший «плохую мочу», автоматически попадает в профилактическую группу, а то и сразу признается наркоманом. А для того чтобы быть учтенным по алкоголизму, надо немало потрудиться, пройти через вытрезвитель или подпасть под настоятельные жалобы соседей. Пацаны, ежевечерне распивающие пиво на виду у всего квартала, «там, где детские грибочки», не рискуют быть посчитанными в качестве «спецконтингента». Хотя таких пацанов в возрастной группе от 15 до 18 лет, похоже, не один, как считает Госкомстат, а все шестьдесят на сто. Пробовали алкоголь в этом возрасте все, выпивают – почти все, пьют – очень многие, сильно пьют – многие. Что же надо делать, чтобы попасть в число 889 из 100 тысяч?

Еще отчетливой статистика по преступности несовершеннолетних. Ежегодно в состоянии алкогольного опьянения ими совершается более 30 тысяч преступлений, в состоянии наркотического и токсического – от 1300 в 1997-1998 гг. (на пике популярности наркотиков) – до 600 в 2001 году, 400 в 2002 году. Пьяная преступность, как подростковая, так и взрослая, остается стабильно высокой. Преступлений, совершенных под наркотиками, становится все меньше. Причина тому – в сокращении потребления героина в России по сравнению с 1997 годом почти в три раза (данные Управления ООН по наркотикам и преступности на 2004 год). Заболеваемость наркоманиями (то есть число лиц, взятых под наблюдение с впервые установленным диагнозом), пройдя в 2000 году отметку 51,6 человек на 100 тысяч населения в год, стала постепенно снижаться. В 2003 году этот показатель составил 16,1 человек на 100 тысяч населения, что примерно соответствует уровню 1995 года. Эти данные, представленные 18 мая 2004 года на «круглом столе» в Госдуме Национальным научным центром наркологии, хотя и не раскрывают реальной численности наркоманов, можно считать адекватно отражающими тенденцию сокращения темпов наркотизации, ведь латентность потребления оставалась стабильно высокой как в 2000, так и в 2003 году.

Среди подростков в возрасте от 15 до 18 лет табак курит более половины, никотинозависимых – 35-36%. В интернатах есть дети, курящие с семи и даже шести лет. Вред табака: 90% смертей от рака легких, 75% – от хронического бронхита, 25% – от ишемической болезни сердца. Миллионы жизней. Реклама на каждом углу.

О марихуане глашатаи «мира без наркотиков» пишут обычно, что она «поражает не столько тело, сколько душу». О, если бы марихуана хоть иногда приводила к раку какого-нибудь органа, к циррозу печени! В отсутствие последствий, столь желательных для антинаркотического истеблишмента, теоретикам «каннабиоидной наркомании» (то есть зависимости, якобы порождаемой употреблением продуктов конопли) приходится довольствоваться туманными рассуждениями о влиянии марихуаны на эмоциональное развитие, психическую устойчивость и репродуктивную систему.

Если бы кто-нибудь взялся исследовать соотношение антиалкогольной и антитабачной пропаганды с пропагандой антинаркотической, пропорции были бы прямо противоположными реальным опасностям – и криминальным, и медицинским. СМИ умалчивают о падении популярности героина, и не только потому, что закошмаривание зрителей/читателей сеющими смерть жупелами продается лучше рассуждений о стабилизации и о неуместности истерии. Власть, прямо или косвенно регулирующая коммуникативное поле, имеет от войны с наркотиками многослойные выгоды и стимулирует лживую пропаганду. Лживость ее – в деформации проблемы, искажении пропорций, преувеличениях, в тех клише, сквозь которые невозможно увидеть правду. В конце концов, ложный образ реальности творит ее по своему подобию. И это вторая, после борьбы с наркотиками, причина наркомании.

Вот, смотрите – деклассированное отребье человечества, раскуривающее свои косяки, – оборванные, грязные, с печатью безмятежного идиотизма на лицах. Вот клиника для душевнобольных, в которой глотатели танцевальных таблеток обречены долго лечиться от астении. Ну и гробы, могилы, надписи на плитах – 1979 год рождения, 1980-й...

А параллельно – ирония судьбы в новогоднюю ночь, президенты, поднимающие бокалы с шампанским (не кокаин ведь нюхающие, нет!), дружеские застолья: «поднимем бокалы, наполним их разом...» Где гробы? Где санитары «скорой помощи», не успевающие выносить трупы в ночь на 2-е января?

В юности же пусть и не обсуждается, но остро ощущается пронизывающая все это ложь. Люди, принимающие наркотики, обречены жить в кривом зеркале и постепенно сливаться с ним.

Казалось бы, почему бы российским СМИ, говорящим языком власти и смотрящим ей в глаза, не связать очевидное отступление наркотиков с усилением государственного противодействия, почему бы не отрапортовать о частичной победе и сказать людям: сегодня дела обстоят так-то и так-то, стало лучше, наркоманов становится меньше. Но министры, генералы милиции и наркополицейские хотя и заявляют регулярно о возрастающих с каждым годом успехах, одновременно констатируют постоянно ухудшающуюся ситуацию. Потому что одно дело – демонстрационные тонны изъятий, необходимые для закрепления в креслах и получения новых звездочек (сами конфискуют, сами сжигают; что жгут? кто проверял?), другое – «наркоугроза», «наркоэпидемия», «наркоудар», невиданный и неслыханный урожай в Афганистане (о неурожаях обычно не сообщается), которыми следует обосновывать ежегодное увеличение бюджетных ассигнований.

Сказанное выше – отнюдь не призыв запретить водку и табак вместо героина и конопли. Болея и умирая, люди как-то научились жить с табаком, водкой, пивом, вином.

Что и говорить, наркоманы отвратительны: лживы, двуличны, способны душу продать за дозу, обмануть, украсть, предать. Такими сделала их война с наркотиками.

Но если забыть слово «наркотики», не станет и наркоманов, и все как-нибудь займет свои места. Трудности, связанные с некоторыми веществами, конечно, останутся (на то они и трудности), только их станет меньше, а некоторые растают как дым. Не надо будет обрызгивать дефолиантами гектары дикорастущей конопли под Москвой.

И, будем надеяться, интернет-зависимость не приведет к запрету глобальной сети.

Кто за что сидит: портрет осужденного наркопотребителя

Читинский правозащитный центр реализовал проект «Мониторинг прав человека в деятельности Федеральной службы по контролю над оборотом наркотиков» под руководством Московского Фонда «За здоровое общество». Работники центра провели анкетирование осужденных по статье 228 УК РФ «Незаконные приобретения, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов». Благодаря этому удалось составить портрет осужденного наркопотребителя.

Портрет наркопотребителя:

ПИН – потребитель инъекционных наркотиков.

Возраст колеблется от 25 до 55 лет.

Из 100% опрошенных большая часть (77,8%) не имели до задержания постоянного места работы или учебы.

72,2 % имеют среднее образование,

в равных количествах (по 5,6 %) – высшее и неполное высшее образование.

Более половины наркопотребителей (61,1 %) ранее уже отбывали наказание в местах лишения свободы.

77,8% ПИН уверены в том, что исправление в местах лишения свободы невозможно.

Минимальный срок лишения свободы ПИН равен 2 годам, максимальный – 14 лет 6 месяцев.

72,2% ПИН задерживали сотрудники милиции, в остальных случаях сотрудники Госнаркоконтроля и представители иных силовых структур. Как поясняют 44,4% опрошенных респондентов, основанием для задержания были: банальная проверка паспорта, личный досмотр и задержание с поличным.

Чуть меньший процент ПИН (33,3%) ссылаются на то, что не могут внятно объяснить причину своего задержания. Некоторые респонденты на этот вопрос ответили, что наркотики им подбросили.

Многие осужденные (77,8 %) в анкетах указали на то, что им не было разъяснено, почему в отношении них возбуждено уголовное дело. На период следствия 66,7% респондентов содержались под стражей, остальные под подпиской о невыезде. 38,9 % опрошенных признались в том, что они употребляют наркотики. При этом 100% респондентов не считают себя страдающими наркотической зависимостью. У большинства людей, находящихся под стражей в период следствия (88,9 %) не было «ломки» (или она прошла незаметно – прим. автора).

72,2% опрошенных указали, что в период следствия проводилась нарколо-

гическая экспертиза, однако, большая часть ПИН (66,7 %) не были признаны наркозависимыми. Почти все потребители (88,9 %) не считают свое поведение социально опасным.

Обследование на ВИЧ проводилось у 94,4% респондентов. В период предварительного следствия или отбывания наказания 77,8% заключенных не предоставлялась какая-либо помощь в социальной адаптации, лечении наркотической зависимости и др.

94,4% ответили, что им не разъяснялась возможность получения какой-либо помощи вне рамок расследования уголовного дела.

Как мы относимся к заключенным: наркопотребители глазами общества

Материалы опроса взяты из журнала «Индекс. Досье на цензуру»

Как респонденты относятся к тем, кто вышел из мест лишения свободы?

Равнодушно	26
Жалеют	22
В душе побаиваются	21
Хотят помочь	18
Настроены против	6
Считают их отбросами общества	2
Затруднились ответить	13

Насколько сложно вернуть к нормальной жизни людей, побывавших в местах лишения свободы?

Очень сложно	34
Скорее сложно	32
Трудно сказать	24
Скорее несложно	8
Несложно	2

Какие меры наиболее эффективны для возвращения осужденных к нормальной жизни?

Трудоустройство	75
Хорошее отношение к ним со стороны семьи, родственников, друзей, знакомых	34
Терпимое отношение окружающих	27
Обеспечение жильем	28
Социальная помощь специальных организаций, занимающихся проблемами бывших заключенных	25
Обучение, переобучение	20
Религия, вера	20

Привлечение к общественно-полезной деятельности, направленной на решение социальных проблем 20

Оздоровление (физическое и психическое) 19

Информированность о правах и организациях, содействующих реализации прав бывших заключенных 10

Затруднились ответить 6

Кто/что влияет на то, что люди становятся преступниками?

Среда, в которой рос будущий преступник 54

Жизненные обстоятельства 51

Сам человек 46

Наследственность 17

Семья 17

Затруднились ответить 4

Правительство 2

Всегда ли те, кто побывал в местах лишения свободы, совершают повторные преступления?

Всегда 24

Не всегда 64

Затруднились ответить 12

Считают ли респонденты тех, кто вышел из мест лишения свободы, социально опасными?

Да 16

Скорее да 24

Трудно сказать 47

Скорее нет 10

Нет 3

Кто должен брать на себя основную ответственность за решение проблем людей, вышедших из мест лишения свободы?

Государство 57

Местные органы власти 35

Специально создаваемые организации 19

Семья, близкие, родственники 21

Общественные организации, благотворительные фонды 10

Затруднились ответить 7

Стоит ли расходовать бюджетные средства на создание центров по реабилитации бывших заключенных, чтобы специалисты могли оказывать им помощь в решении проблем?

Да 64

Нет 16

Затруднились ответить 20

Вы хотели бы пожертвовать что-нибудь (деньги, вещи, свое время и т.п.) для людей, вышедших из мест лишения свободы?

Да 21

Скорее да	27
Трудно сказать	24
Скорее нет	14
Нет	14

Приложения

1. Поддерживающая терапия метадонам в исправительных учреждениях: обзор фактов

Информация предоставлена Канадской юридической сетью по ВИЧ/СПИДу Томас Керр, доктор фармакологии, директор Института исследований и политики в области здравоохранения

Ральф Юргенс, доктор фармакологии, исполнительный директор Канадской юридической сети по ВИЧ/СПИДу

Употребление инъекционных наркотиков, ВИЧ/СПИД и тюрьмы

Лишение свободы – частое явление в среде потребителей инъекционных наркотиков (ПИН). Данные из США показывают, что примерно 80% ПИН имеют в своей биографии тюремное заключение⁵³; как обнаружило исследование поведения, связанного с риском ВИЧ, проводившееся Всемирной организацией здравоохранения в 12 городах, от 60 до 90% респондентов сообщили, что подвергались лишению свободы с тех пор, как начали принимать наркотики⁵⁴.

Имеющиеся данные указывают на то, что существенная доля ПИН принимает инъекционные наркотики во время пребывания в тюрьме, причем 50% или более потребителей наркотиков в нескольких странах сообщают об инъекциях в тюрьмах.

По данным одного из исследований в России, 20% заключенных сообщили об инъекционном употреблении наркотиков в тюрьмах, причем 14% из них утверждали, что впервые сделали себе инъекцию именно в исправительном учреждении.

Во всем мире уровень распространенности ВИЧ в популяции заключенных,

53 Dolan K: The epidemiology of hepatitis C infection in prison populations (Эпидемиология гепатита С в популяциях заключенных). Sydney: National Drug and Alcohol Research Centre, 1999
54 Ball A: Multi-centre Study on Drug Injecting and Risk of HIV Infection: a report prepared on behalf of the international collaborate group for the World Health Organization Programmer on Substance Abuse. (Мультицентровое исследование инъекционного употребления наркотиков и риска ВИЧ-инфекции: отчет, подготовленный от лица международной группы для Программы международной организации здравоохранения по злоупотреблению веществами). Geneva: World Health Organization., 1995

как правило, значительно выше, чем в широких слоях населения, и составляет порядка 10-25%. Наиболее высокая распространенность ВИЧ в тюрьмах (не считая стран с крупномасштабными гетеросексуальными эпидемиями ВИЧ) широко распространяется среди потребителей внутривенных наркотиков, число которых в исправительных учреждениях непропорционально велико. Стремительное распространение ВИЧ-инфекции было отмечено в специфических тюремных условиях, в том числе в странах Восточной Европы и бывшего СССР.

В тюрьмах распространенность употребления инъекционных наркотиков и ВИЧ-инфекции в сочетании с высоким уровнем сменяемости тюремной популяции, создают потенциал для быстрой и широкомасштабной распространенности инфекционных заболеваний и других вредных последствий употребления наркотиков.

Однако эти же характеристики обеспечивают возможность для лечения наркозависимости и профилактики передачи инфекционных заболеваний среди большого числа лиц.

Поддерживающая терапия метадонем (ПТМ)

Метадон – синтетический опиатный агонист длительного действия, он легко абсорбируется при пероральном употреблении, а период его полураспада составляет около 24 – 36 часов, что позволяет принимать его один раз в день.

Исследования показали, что метадон успешно блокирует эффекты симптомов абстинентного синдрома и эйфории, которую вызывают опиоиды короткого действия.

В результате поддерживающая терапия метадонем (ПТМ) эффективно снижает основные риски и вредные последствия, связанные с опиатной зависимостью среди пациентов, которым удалось привлечь и удержать на ПТМ.

Исследования также показали, что применение ПТМ ведет к снижению и даже отказу от употребления опиатов, к снижению уровней преступности, безработицы и смертности. ПТМ снижает риск передачи ВИЧ и вирусных гепатитов, вероятность рискованного поведения, в том числе совместного использования игл, числа половых партнеров, секса без презервативов и предоставления сексуальных услуг в обмен на наркотики или деньги. Кроме того, ПТМ продемонстрировала высокую эффективность затрат: каждый доллар США, израсходованный на ПТМ, позволяет сэкономить 4-5 долларов.

Программы поддерживающей терапии метадонем в тюрьмах

Во всем мире ПТМ предоставляется заключенным во все большем числе тюремных систем, в том числе в большинстве западноевропейских стран (за исключением Греции, Швеции и двух округов Германии).

Соответствующие программы существуют также и в США (в тюрьме Райкерс-Айленд, Нью-Йорк). И, наконец, все большее число восточноевропейских систем открывают программы ПТМ или планируют открыть их в ближайшие годы. Эта тенденция соответствует рекомендациям ВОЗ о введении и расширении метадоновых программ в тюрьмах.

Аргументы в пользу предоставления поддерживающей терапии метадоном в тюрьмах

- Считается, что ПТМ должна предоставляться всем тем, кто получал ее за пределами тюрем. Этот момент особенно актуален в свете полученных данных о том, что люди, прекратившие принимать метадон после заключения под стражу, часто возвращаются к употреблению наркотиков инъекционным путем в исправительном учреждении.
- Предполагается, что ПТМ может использоваться для детоксикации опиатозависимых с целью облегчить симптомы абстинентного синдрома и уменьшить беспокойство при поступлении в тюрьму;
- Предоставление ПТМ снижает вероятность рискованного поведения среди заключенных, принимающих инъекционные наркотики. Благодаря этому сокращается распространение заболеваний, передающихся инъекционным путем;
- Предоставление ПТМ способствует повышению уровня участия заключенных в лечебных программах, основанных на воздержании от наркотиков, как внутри тюрем, так и за их пределами;
- Предоставление ПТМ заключенным, готовящимся к скорому освобождению, способствует снижению риска передозировки, поскольку многие заключенные возобновляют инъекционное употребление наркотиков после выхода на свободу, подвергаясь при этом повышенному риску смерти от передозировки из-за сниженной толерантности к опиатам;
- И, наконец, предоставление ПТМ может снизить вероятность того, что вновь освобожденные заключенные вернуться к преступной деятельности; имеются свидетельства, что ПТМ сокращает участие в преступной деятельности, в особенности среди заключенных, недавно выпущенных из мест лишения свободы.

Оценка поддерживающей терапии метадоном в тюрьмах

Ряд оценок программ предоставления ПТМ в тюрьмах указывает на положительные результаты. Например:

- Результаты рандомизированного контрольного испытания программы ПТМ в тюрьмах Нового Южного Уэльса в Австралии указывают, что уровни употребления героина, употребления инъекционных наркотиков и совместного использования шприцев среди заключенных, принятых в программу ПТМ, ниже,

чем в контрольных группах;

- Оценки тюремных программ ПТМ, действующих в Австралии, показали снижение уровней употребления наркотиков и участия в торговле наркотиками в тюрьмах;
- Исследование в Австралии среди недавно освобожденных заключенных – потребителей наркотиков продемонстрировало, что заключенные, пользовавшиеся программой метадоновой поддержки, сообщали о более низких уровнях рискованного поведения в тюрьмах, чем заключенные, не получавшие лечения;
- Исследование в США показало, что вероятность обращения за лечением от наркозависимости выше среди заключенных, проходивших ПТМ, чем среди заключенных, получавших метадон только для детоксикации. В Канаде федеральная тюремная система расширила доступ к ПТМ после того, как оценка программ продемонстрировала, что ПТМ оказывает положительное влияние на исход освобождения и на поведение во время заключения.

Детерминанты успеха

Следует обратить внимание на ряд особенностей, связанных с ПТМ и ее осуществлением в тюрьмах. Например, оптимальные исходы лечения обычно зависят от ряда факторов, связанных со структурой программ. В число таких факторов входят: назначение достаточных доз метадона, высокое качество психосоциальных услуг, продолжительность участия пациентов в лечении и удовлетворенность пациента правилами программы ПТМ и персоналом учебного Центра. ПТМ доказала свою эффективность в лечении людей, которых удалось привлечь и удержать на лечении, но для реализации полного потенциала данной стратегии необходимы новаторские и гибкие подходы. Учитывая жесткость тюремных режимов и правил, упор на полное воздержание от наркотиков, а также отсутствие психосоциальных программ во многих системах, успешное осуществление ПТМ в тюрьмах подразумевает решение совершенно особых задач. Работе тюремных медицинских служб (особенно в Восточной Европе и странах бывшего СССР) препятствует нехватка необходимого финансирования, но факты свидетельствуют о высокой рентабельности ПТМ, поскольку ее предоставление оказывает влияние на различные аспекты, в том числе преступность и распространение ВИЧ-инфекции.

Поддерживающая терапия метадоном более эффективна, чем другие формы лечения

Приводятся и доводы против осуществления ПТМ в условия тюрем. Неко-

торые противники этого подхода считают метадон еще одним препаратом, влияющим на настроение, прием которого задерживает личностный рост, необходимый для выхода за пределы существования, сосредоточенного на наркотиках. Есть возражения против ПТМ по моральным соображениям, т.к. такая терапия попросту заменяет один наркотик, вызывающий зависимость, на другой. Так или иначе, работа исследователей показывает, что пропаганда, прохождения ПТМ и воздержания от потребления запрещенных веществ более эффективна, чем программы детоксикации. Кроме того, вопреки выражаемым опасениям относительно осуществимости программ ПТМ в условиях тюрем, опыт показал, что препятствия в этой области преодолимы.

Принимая во внимание печальные последствия опиатозависимости, в том числе повышенный риск передачи ВИЧ-инфекции, отсутствие выбора эффективной формы лечения для опиатозависимых, а также тот факт, что метадоновая терапия является в настоящее время наиболее эффективной формой лечения зависимости от опиатов, становится ясно, что ПТМ может способствовать снижению вреда от употребления наркотиков среди заключенных.

Заключение

Многие научные данные свидетельствуют о том, что поддерживающая терапия метадоном является наиболее эффективной из существующих программ лечения опиатной зависимости. Была обнаружена связь между ПТМ и снижением рискованного поведения, употребления запрещенных наркотиков, криминального поведения, участия в секс-бизнесе, безработицы, заболеваемости и передачи ВИЧ. Многие опасения, возникшие вокруг ПТМ, оказались необоснованными.

В частности, не было установлено, что ПТМ является препятствием для снижения употребления наркотиков, а в отношении пропаганды лечения наркозависимости и воздержания от употребления запрещенных наркотиков, ПТМ оказалась более эффективной, чем детоксикация.

Все больше программ ПТМ начинает действовать в условиях тюрем. Оценки тюремных ПТМ весьма благоприятны и последовательны: они связывают ПТМ с существенным спадом распространенности рискованного поведения, снижением уровня употребления наркотиков и участия в лечении наркозависимости после освобождения из тюрьмы.

Принимая во внимание существующие свидетельства роста проблем, связанных с инъекционным употреблением наркотиков и ВИЧ/СПИДом в тюрьмах Восточной Европы и бывшего СССР, очевидно, что время действовать уже пришло. Неспособность осуществлять эффективное лечение наркозависимости и принимать меры по профилактике ВИЧ может повлечь за собой дальнейшее распространение ВИЧ среди ПИН в тюрьмах, и потенциально вызовет генерализованную эпидемию в местной популяции людей, не принимающих инъекционные наркотики.

Дальнейшее распространение ВИЧ приведет не только к более тяжелым страданиям людей, затронутых эпидемией, но и к существенным потерям для системы здравоохранения, которых можно было бы избежать.

Несмотря на разногласия вокруг поддерживаемой терапии метадон, существуют четкие доказательства в ее пользу. Поддерживаемая терапия метадон эффективна, и ее следует рассматривать как необходимую меру в ответ на эпидемию употребления инъекционных наркотиков и ВИЧ/СПИДа.

2. Таблица наказаний за незаконный оборот наркотиков в различных странах Евросоюза

Страна Евросоюза	Немедицинское употребление наркотиков	Малые размеры (для личного употребления)	Санкции за хранение малых размеров (без намерения торговли):	
			по закону	на практике
Австрия	Ненаказуемо	Не определены в законодательстве; на практике соответствуют дневной дозе. Крупные размеры следующие: ТГК – от 20 г, Героин – от 5 г, Кокаин – от 15 г. Амфетамин от 10 г. МДМА – от 30 г.	Обязательство прекратить употребление с испытательным сроком 2 года.	Применяется в редких случаях
Бельгия	Ненаказуемо	Не определены, хотя намерение торговли является существенным фактором при вынесении приговора.	От 3 мес. до 5 лет + штраф. Хранение конопли декриминализовано в 2001 г. специальной нотой Бельгийского правительства.	С мая 1998 г. – условно либо с отсрочкой исполнения.

Великобритания	Ненаказуемо, кроме опиума (до 14 лет).	Для веществ из списка «А» (героин, ЛСД, ХТС) отсутствует, для списков «В и С» (конопля, кодеин, амфетамины, бензодиазепины) – до 10 г.	До 7 лет по списку «А»; до 5 лет по списку «В», до 2 лет по списку «С».	По веществам из списков «В и С» – предупреждение, штраф или условное наказание. По списку «А» – не более 6 мес. лишения свободы.
Греция	Уголовное преступление (2161/1993–14.1).	В 1993 г. определены как количество, которое доказательно соответствует только личным потребностям правонарушителя. Доказательство осуществляется путем медицинского освидетельствования.	От 10 суток до 5 лет; для наркоманов – принудительное лечение.	При первом задержании потребитель, не имеющий наркозависимости, может быть освобожден от наказания.
Дания	Ненаказуемо	Не определено, также не прописана разница между тяжелыми и легкими наркотиками.	До 2 лет.	Хранение конопли практически декриминализовано (кроме особо крупных размеров), по тяжелым наркотикам чаще всего отпускают на поруки.

Ирландия	Ненаказуемо, кроме опиума (до 14 лет).	Не определены. Особо крупный размер – отягчающее обстоятельство.	По легким наркотикам штраф в двух первых случаях, до 3 лет в третьем случае. По тяжелым – до 7 лет с первого случая.	Применяется в полном объеме.
Испания	Ненаказуемо, если не публично. Публичное употребление – административное правонарушение.	Не определены, хотя при намерении торговли правонарушение переходит в разряд уголовно наказуемых.	Административное правонарушение; возможен штраф, лишение водительских прав и т.д.	Применяется в полном объеме.
Италия	Ненаказуемо	1 дневная доза (размер определят Минздрав).	Ненаказуемо	При наркозависимости может быть назначено принудительное лечение (в административном порядке).
Люксембург	Уголовное преступление (от 3 мес. до 5 лет). Употребление, транспортировка и хранение конопли с 27.04.2001 является административным правонарушением.	Не определены в законе, однако различие между хранением для личного употребления и с целью торговли весьма существенно.	По конопле – денежный штраф (без намерения торговли). По другим наркотикам – от 8 дней до 6 мес. лишения свободы.	При первом правонарушении потребитель наркотиков может быть освобожден от наказания.

Нидерланды	Ненаказуемо	Конопля – до 30 г, героин, кокаин – до 0,5 г.	До 3 мес. по легким наркотикам, до 1 года по тяжелым.	Практически не применяется.
Португалия	Уголовное преступление (до 3 мес.+штраф).	До 3 дневных доз (размер определяет Минздрав).	До трех мес. лишения свободы, либо до 30 дней общественно-полезных работ.	Смягчающие обстоятельства: первое правонарушение, нерегулярное употребление наркотиков.
Финляндия	Уголовное преступление (до 2 лет).	Не играет роли при вынесении приговора.	До 2 лет за коноплю, до 10 за другие наркотики.	Применяется в полном объеме.
Франция	Уголовное преступление (от 2 мес. до 1 года) + штраф.	Не определен. Наркото торгвля и контрабанда карается по факту, а хранение приравнивается к употреблению.	Как за немедицинское употребление.	С 1987 г., согласно циркуляру Шаландона, социально интегрированные наркопотребители ограничиваются простым предупреждением.
ФРГ	Ненаказуемо	Различны в разных федеральных землях. Конопля – от спичечного коробка до 30 г. Героин, кокаин, амфетамины от 0,5 до 5г.	От 1 мес. до 5 лет.	Хранение малого количества для личного употребления практически ненаказуемо.

Швеция	Ненаказуемо	<p>Не имеет значения. Правонарушения подразделяются на малые, ординарные и серьезные, в зависимости от многих факторов, включая также размер, но не в первую очередь.</p>	<p>Обычно классифицируется как малое правонарушение, то есть влечет за собой штраф и/или до 6 мес. лишения свободы.</p>	<p>По конопле и амфетаминам – штраф, по героину и кокаину – лишение свободы.</p>
--------	-------------	---	---	--